

**ОБЩЕСТВО СЕМЕЙНЫХ КОНСУЛЬТАНТОВ И
ПСИХОТЕРАПЕВТОВ**

научно-практический сетевой журнал

ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ СЕМЬИ

ЭЛ№ФС77-69364 от 6-го апреля 2017г.

<http://familypsychology.ru>

№4 ноябрь 2019

«Электронный научно-
практический журнал
Психология и
психотерапия семьи»
Учредитель РОО
«Общество семейных
консультантов и
психотерапевтов»
Выходит с 2017г.
4 раза в год.
Регистрация в
роскомнадзоре
(Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации
ЭЛ№ФС77-69364 от 6-
го апреля 2017г.)
2019 № 4

Главный редактор
Варга Анна Яковлевна.
Редакционная коллегия

Анна Афанасьева,
Наталья Кокуркина,
Ксения Новгородова
Марина Травкова

Редакционный совет

Болотова Алла Константиновна
Васягина Наталия Николаевна
Карабанова Ольга Александровна
Реан Артур Александрович
Шабельников Виталий Константинович
Кэтрин Бэйкер
Питер Тайтельман
Моника Макголдрик

ОТ РЕДАКТОРА:

Уважаемые читатели, это последний номер за 2019г. Обзор посвящен методологическим вопросам: как можно данные, полученные в естественных науках, корректно применять в социальных науках?

Практических случаев в этом номере нет, но есть две интересные статьи, посвященные исследованиям травмы в эмоциональной системе семьи.

И конечно, мы публикуем дайджест мероприятий.

А.Я.Варга

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ РЕДАКТОРА.....4

ОБЗОРЫ

Антон Тихонов

ЧТО В НАС «ПО ПРИРОДЕ» И КАКОЙ НАМ С ЭТОГО ТОЛК: ОПИРАТЬСЯ ЛИ
СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ НА БИОЛОГИЮ.....5-13

ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.Б. Коган-Лернер, Е.С. Орлова, Ю.В. Быховец

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИЗНАКОВ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА И
ПАРАМЕТРОВ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ.....14-30

Миськова Елена Вячеславовна

ТРАВМА СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРАВМ
ГЕНОЦИДОВ.....31-49

Дайджест мероприятий зима-весна 2019-2020.....50-58

ОБЗОРЫ

ЧТО В НАС «ПО ПРИРОДЕ» И КАКОЙ НАМ С ЭТОГО ТОЛК: ОПИРАТЬСЯ ЛИ СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ НА БИОЛОГИЮ 1

Антон Тихонов

Сооснователь и научный директор генетической лаборатории уRisk.

Апелляция к естественным наукам в социальных дискуссиях – способ опереться на что-то незыблемое, редуцировать диалог, привнести в него якобы потерянную стройность мысли. Доклад о том, что биология сложных человеческих проявлений – совсем не физика из школьного учебника, что применение “научных” аргументов редко приносит желаемое облегчение, что рассуждения про отличия полов, гормональную определенность и предназначение – все так же остаются дурным тоном, независимо от объективных знаний о биологии поведения.

Ключевые слова: биология поведения, иерархия наук, биологические аргументы в социальных науках

WHAT IS “NATURAL” IN US AND WHAT IS THE USE OF IT: SHOULD SOCIAL SCIENCES RELY ON BIOLOGY?

Anton Tikhonov

Rosalind LLC

The appeal to the natural sciences in social discussions is a way to lean on something unshakable, to reduce the dialogue, to bring into it the supposedly lost harmony of thought. Text argues that biology of complex human manifestations is not alike physics from the school textbook, that the use of “scientific” arguments rarely brings the desired relief, that reasoning about gender differences still shows bad taste, regardless of objective knowledge about the biology of behavior.

Keywords: behavioral biology, hierarchy of sciences, biological arguments in the social sciences

Люди, которые работают в сфере социальных наук, любят прибегать к естественно научным аргументам, это теперь модно.

Я, как биолог, вижу некорректность подобной аргументации. Я знаю, как создаются такие аргументы и моя цель показать, что обращение к этим аргументам легковесно и легкомысленно.

Существует общее представление о том, что науки выстроены в какую-то иерархию. Это представление очень старое. Философ Огюст Конт, один из тех, кто придумал социологию вообще, 190 лет назад рисовал красивые картинки такого рода: сначала математика, на базе которой стоит физика, потом химия, потом биология, и затем уже науки о сложных человеческих структурах в обществе, структурах в человеческой психике. От более фундаментальных к менее фундаментальным наукам, с одной стороны, растет сложность изучаемого феномена, а с другой стороны, существенно падает качество знаний, существенно падает возможность выводить какие-то общие законы, инструментарий становится неточным, каким-то мутным. Мы используем эту схему так или иначе, несмотря на то, что она совсем старая: мы говорим «точные науки» и «неточные науки». Уже в этом слове «точные» содержится идея иерархии. Огюст Конт, когда писал свой «Курс

позитивной философии»¹, говорил, что каждая следующая наука, менее точная, изучающая все более сложные феномены, стоит на плечах науки, которая изучает более простые феномены, но при этом в большей степени является наукой. Поэтому социологии не повезло стоять на плечах биологии.

Я предлагаю рассмотреть несколько простых примеров, которые показывают неуместность рассмотрения социальных феноменов через призму биологических знаний.

Допустим, интеллект. Мы все это слово используем, и не только в социальных науках, а вообще, абсолютно все. Можно ли понять, что в интеллекте от природы? Что в нем можно изучать в рамках биологии? Что в нем не от «природы»? Понять это можно, но, на мой взгляд, результат не может нас радовать. Наследуемость интеллекта составляет от 57 до 73 процентов, согласно самым цитируемым работам². А последние исследования показывают, что у взрослых людей наследуемость может достигать 80 %³. Дальше я буду использовать эту цифру ради простоты изложения. Глядя на эту цифру, можно решить: ну, наверное, все предрешено. 80% - большая цифра. Так же можно решить, что есть какие-то группы людей, которые генетически глупее, чем другие группы людей. Огромное количество мыслей приходит в голову глядя на эту цифру. На самом деле это значит, что изменчивость интеллекта в какой-то конкретной популяции на 80% объясняется генетической изменчивостью в этой популяции. Абсолютно все цифры о наследуемости получены на западе, у людей европейского происхождения⁴. Т.е. изменчивость интеллекта в Исландии, Англии, на восточном берегу Соединенных Штатов на 80% зависит от генетической изменчивости. Вот тут уже становится менее понятно, До этого было понятно: интеллект на 80 % от природы. А тут изменчивость – что? И, к сожалению, вот эта формулировка – “изменчивость интеллекта на 80% зависит от генетической изменчивости” – это самая простая формулировка, которая вообще может быть использована. А дальше я постараюсь показать, что без глубокого понимания того, что стоит за этой цифрой, эту цифру лучше не использовать как аргумент в других науках, за пределами генетики поведения.

Какие есть неочевидные выводы из этой истории про то, что изменчивость интеллекта в популяции на 80 % зависит от генетики? Например, если изменчивость среды в данной популяции увеличивается, то наследуемость интеллекта падает. И по другим признакам, не по интеллекту, известно, что в развивающихся странах, где очень большое неравенство, наследуемость почти всех черт, которые мы изменяем, существенно меньше. Грубо говоря, в Индонезии люди, которые живут в Джакарте, выше ростом, чем люди, которые живут не в Джакарте, не по генетическим, а по социоэкономическим причинам. И поэтому влияние генетики в Индонезии на наследуемость роста меньше, чем в развитых странах при этом генетическая изменчивость, влияющая на рост, в условной Индонезии ничуть не меньше, чем в развитых странах. Та же история с интеллектом. Казалось бы, 80% наследуемости, должно быть сложно на эту цифру повлиять. Гены же не меняются. Оказывается, повлиять можно. Мы меняем изменчивость среды, меняется цифра наследственности.

---

¹ Comte, Auguste. *The positive philosophy of Auguste Comte*. W. Gowans, 1868.

² Bouchard Jr, Thomas J., and Matt McGue. "Genetic and environmental influences on human psychological differences." *Journal of neurobiology* 54.1 (2003): 4-45.

³ Plomin, Robert, and Ian J. Deary. "Genetics and intelligence differences: five special findings." *Molecular Psychiatry* 20.1 (2015): 98-108.

⁴ Mills, Melinda C., and Charles Rahal. "A scientometric review of genome-wide association studies." *Communications biology* 2.1 (2019): 1-11.

Более того, несмотря на то, что гены за последние сто лет особо никак ни у кого не менялись, эволюция человечества, конечно, идет, но идет медленно, мы по всему видим, что значения всех тестов, измеряющих интеллект, растут, что показано на рис. 1.

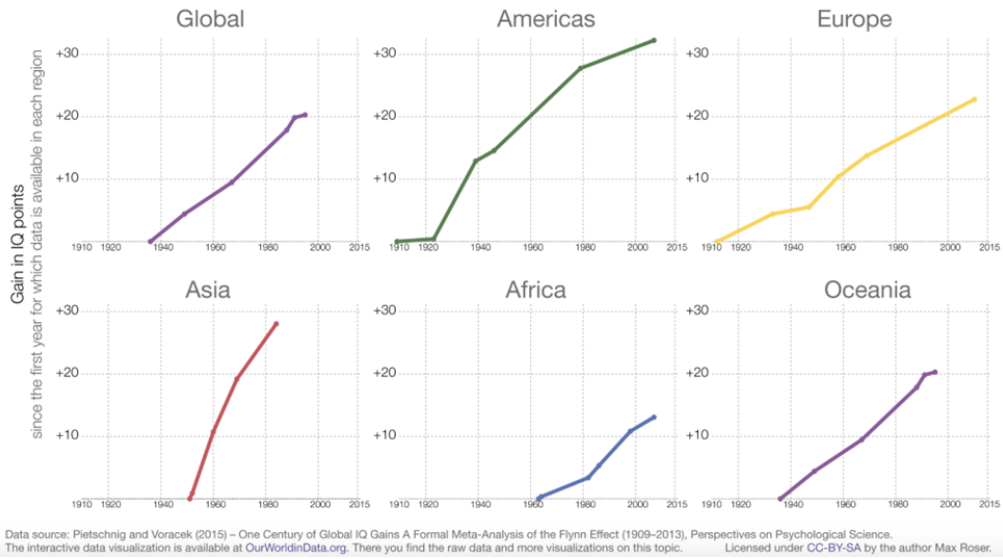

Рис. 1.

Если по нынешним меркам, по нынешней шкале теста на интеллект измерить детей столетней давности, то у них среднее значение IQ будет 70. А если наоборот сделать, по шкале столетней давности измерить нынешних детей, то у них средний IQ – 130.⁵ Т.е., несмотря на 80% наследуемость интеллекта, мир становится умнее существенно быстрее, чем меняются те самые гены, которые наследуются.

И еще один факт, причем какой-то совершенно не очевидный: наследуемость интеллекта у детей меньше, чем наследуемость интеллекта у взрослых,

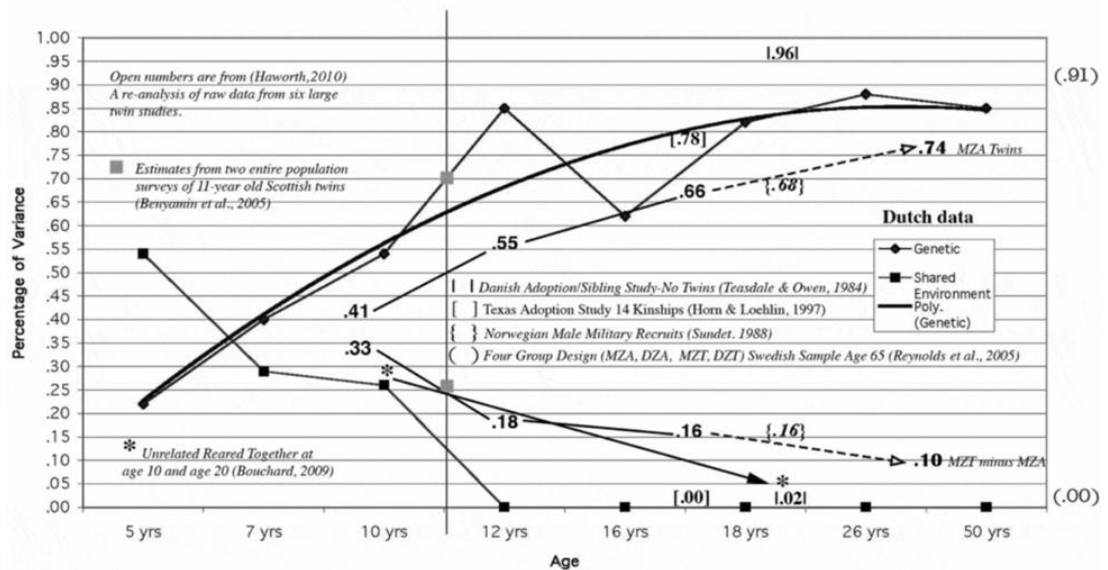

Рис. 2

⁵ Pietschnig, Jakob, and Martin Voracek. "One century of global IQ gains: A formal meta-analysis of the Flynn effect (1909–2013)." *Perspectives on Psychological Science* 10.3 (2015): 282-306.

так называемый эффект Вилсона⁶. Показан на рис. 2. Это удивительно. Ведь среда – она влияет потом, а когда человек рождается – он совершенно чистая биология, ничто еще на него не успело повлиять. Но нет. Если измерять коэффициент интеллекта у детей, то оказывается, что на этот коэффициент у детей гораздо более сильное влияние оказывает среда⁷⁸. И так, все не так просто, как хотелось бы.

Итак, в 80 % интеллект наследуется. Изменчивость интеллекта на 80 % зависит от генетики. Что это значит биологически? Чтобы понять, как наследуемость интеллекта привязана к генам, проводят так называемые исследования ассоциаций. Берут очень-очень-очень много людей, исследуют их генотип и смотрят, где какой генетический вариант встречается чаще, а где реже. У умных встречается чаще вариант X, у глупых встречается чаще вариант Y. X связан с умными, Y связан с глупыми, например, и так исследуют не пару генетических вариантов, а очень-очень много точек в геноме.

Получается такая картина на рис. 3.

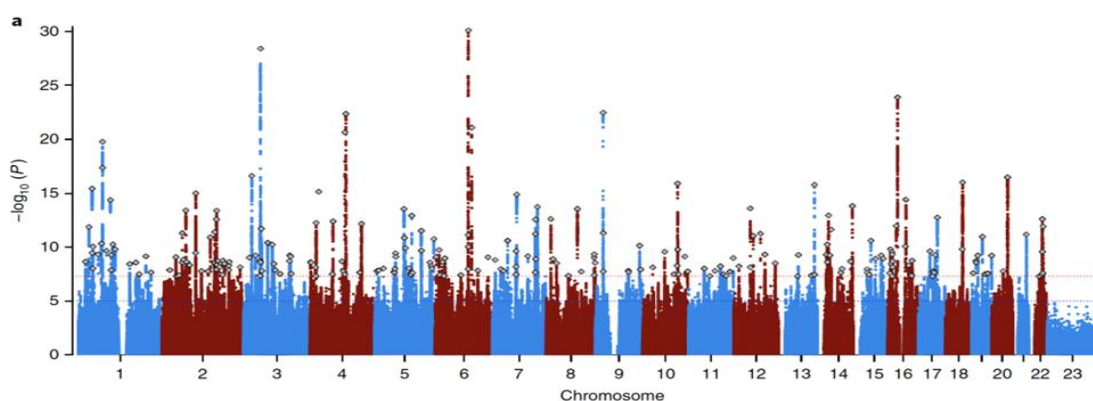

Рис. 3

На рис⁹ показаны генетические отличия в определенных позициях генома (их называют генетическими вариантами), которые статистически значимо ассоциированы с интеллектом. И такие варианты находятся в большом количестве. В последнем крупном исследовании таких вариантов нашли 208 штук. И они все вместе объясняют целых 4 % изменчивости интеллекта! Т.е. мы знаем, что интеллект на 80 % как бы должен зависеть от генов, но реально если взять всю изменчивость, которая зависит от генов, за 100%, то к конкретным генетическим вариантам можно привязать только 4 %. Таким образом, 96% генетической изменчивости связаны с неизвестными нам генетическими вариантами. Более того, когда мы начинаем смотреть, в каких генах расположены эти 208 вариантов, мы не очень понимаем биологию этой зависимости – как ген № 206 в этом списке, такой-то его вариант, делает человека умнее на какой-то процент.

Далее, поскольку целых 4% генетической изменчивости можно связать с генетическими вариантами, а самих вариантов очень много, то влияние каждого отдельного

⁶ Bouchard, Thomas J. "The Wilson effect: the increase in heritability of IQ with age." *Twin Research and Human Genetics* 16.5 (2013): 923-930.

⁷ Haworth, Catherine MA, et al. "The heritability of general cognitive ability increases linearly from childhood to young adulthood." *Molecular psychiatry* 15.11 (2010): 1112.

⁸ Panizzon, Matthew S., et al. "Genetic and environmental influences on general cognitive ability: Is ga valid latent construct?." *Intelligence* 43 (2014): 65-76.

⁹ Savage, Jeanne E., et al. "Genome-wide association meta-analysis in 269,867 individuals identifies new genetic and functional links to intelligence." *Nature genetics* 50.7 (2018): 912.

варианта становится совершенно незаметным. В данном исследовании максимальный эффект варианта на интеллект составлял 0,08%.

Аргументы про биологию интеллекта можно критиковать и со стороны социальных наук. Интеллект – это консенсус по поводу результатов тестов интеллекта. Тесты интеллекта коррелируют. Если мы представим, что во всех них есть какая-то общая переменная, общий фактор, то вот это мы назовем интеллектом и будем наши тесты на интеллект подводить к какому-то идеальному состоянию, чтобы они этот общий фактор выявляли максимально точно. Можно ли этот фактор считать каким-то объективным феноменом, который полностью находится на стороне тела и совершенно не находится на стороне духа, социума некоего?

Какой вывод из всего этого можно сделать? С помощью большого количества биологических исследований, которые идут уже сто лет, мы можем сказать, что гены влияют довольно существенно. Нам всем хотелось бы знать насколько существенно. Но чтобы ответить на этот вопрос, надо разбираться в генетике поведения. Более широкая аудитория любой ответ на этот вопрос сможет трактовать неверно.

Цифру в 80 % (или 57%, или 73%) лучше при этом даже не использовать. Потому что она вызывает ощущение какой-то точности, определенности, четкости. Что мы еще знаем: несмотря на то, что цифра большая, это не судьба: интеллект у всех растет. Через двадцать лет люди будут еще умнее. Более того, мы не понимаем биологического фундамента. Для небольшой части вот этой цифры мы можем какой-то фундамент найти, но мы не понимаем, как он работает, а для большей части мы даже фундамент найти не можем. Сам показатель, который мы измеряем, не проходит ни по епархии биологии, ни по епархии фундаментальных наук.

Смотрите: женские мозги и мужские мозги. Что мы знаем? Женский мозг меньше на 10 %, 140 г¹⁰. Это стало известно очень давно, как только люди начали вообще хоть что-то измерять. Естественно, из этой разницы между средним размером мозга было сделано чудовищное количество выводов, и в науках тоже пытались очень много всего привязать к этим 140 граммам. Но интеллект у женщин и мужчин скорее не различается. В некоторых исследованиях видится различие, но оно не очень большое. А в некоторых исследованиях никакого различия увидеть не удастся^{11,12}. Это если сравнивать тесты на общий интеллект (general intelligence). При этом по разным конкретным тестам интеллекта отличия есть.

Нам также известно, что у больших людей мозг больше, чем у маленьких. Мы также знаем, что мужчины тяжелее женщин. Но если на это сделать поправку, то оказывается, что у женщины все равно мозг меньше, но уже не на 140 г в среднем, а меньше.¹³ К тому же мы знаем, что некоторые свойства мозга нелинейно коррелируют с размером. Например, параметр, который часто используется в биологических исследованиях, – соотношение белого и серого вещества. У больших мозгов оно немного не такое, как у маленьких. Или размер мозолистого тела – это то, что соединяет оба полушария.

---

¹⁰ Witelson, S. F., H. Beresh, and D. L. Kigar. "Intelligence and brain size in 100 postmortem brains: sex, lateralization and age factors." *Brain* 129.2 (2005): 386-398.

¹¹ Halpern, Diane F., and Mary L. LaMay. "The smarter sex: A critical review of sex differences in intelligence." *Educational Psychology Review* 12.2 (2000): 229-246.

¹² Colom, Roberto, et al. "Negligible sex differences in general intelligence." *Intelligence* 28.1 (2000): 57-68.

¹³ Ankney, C. Davison. "Sex differences in relative brain size: The mismeasure of woman, too?." *Intelligence* 16.3-4 (1992): 329-336.

Еще мы знаем, что структура мозга сильно меняется и под действием опыта, и под действием гормонов. Структура не задается при рождении, она меняется в течение всей жизни.

Посмотрим как выглядит, собственно, научная история этого вопроса.. В 1995 году вышла очень популярная статья в журнале *Nature*¹⁴, про то, что, когда мужчины используют язык в определенных когнитивных тестах, у них одно полушарие в основном задействовано. А когда женщины выполняют те же тесты, у них оба полушария задействованы (см. рис. 4)

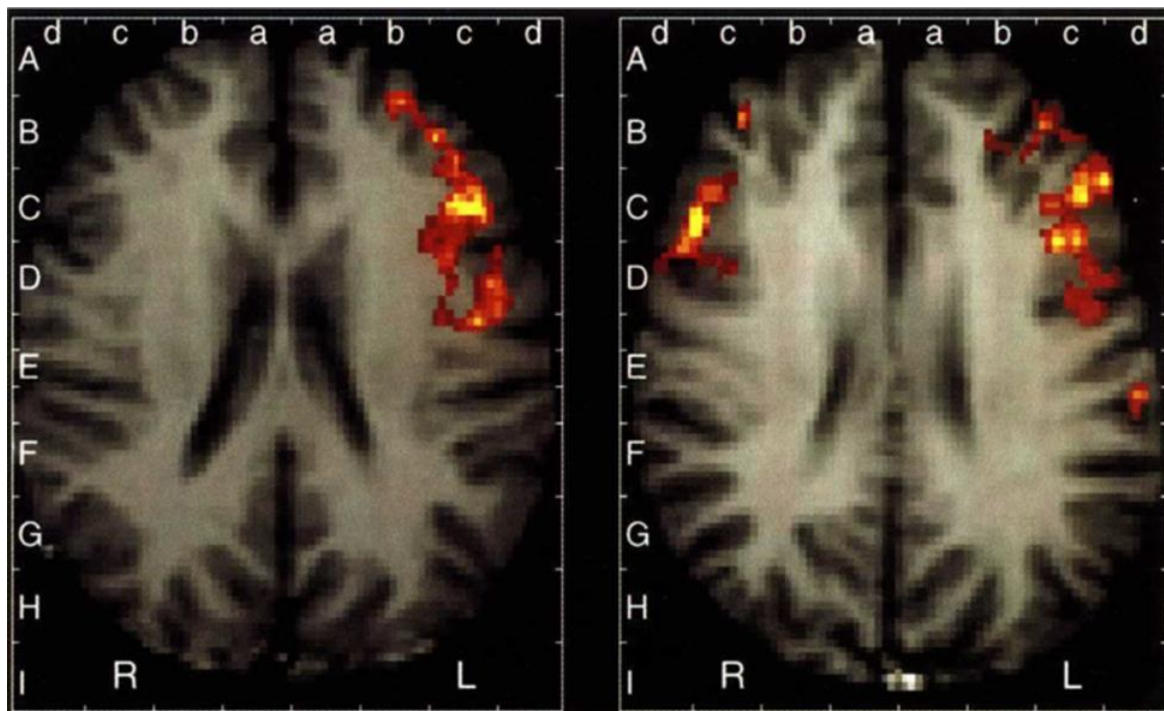

Рис. 4

Из этого делается, естественно, ворох выводов, даже не в самой статье, а в обзорных статьях и популярных пересказах. Известно же – женщины больше и лучше говорят.

Но что произошло: через двенадцать лет появились люди, которые провели мета-анализ, взяли еще пять статей, где это же делали, посчитали аккуратнее, сделали пару контрольных экспериментов, и опровергли выводы статьи 1995 года.¹⁵

При этом, естественно, фраза из первой статьи: «В женских мозгах области, которые ответственны за язык, распределены более равномерно по полушариям мозга», - использовалась во многих смежных науках. Поэтому что это понятная вещь, из которой следуют понятные выводы, которыми можно подкрепить какие-то свои представления, свои идеи. Но оказалось, что это плохой фундамент для каких-либо выводов.

Вот более сложное научное открытие, сделанное на большей выборке¹⁶. Одна из первых фраз этой статьи: «Половые различия в человеческом поведении показывают комплементарность: у мужчин лучше развиты моторные и пространственные навыки, а у

¹⁴ Shaywitz, Bennett A., et al. "Sex differences in the functional organization of the brain for language." *Nature* 373.6515 (1995): 607.

¹⁵ Sommer, Iris E., et al. "Sex differences in handedness, asymmetry of the planum temporale and functional language lateralization." *Brain research* 1206 (2008): 76-88.

¹⁶ Ingalhalikar, Madhura, et al. "Sex differences in the structural connectome of the human brain." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 111.2 (2014): 823-828.

женщин – социальные навыки и память.” В этой фразе не сложно обнаружить сексизм. Комплементарность – т.е. женщины как бы другие, но это полезно обществу. И авторам хочется поймать какие-то объективные вещи в мозгу, какие-то отличающиеся структуры, которые ответственны за эту разницу в поведении. Нашли в этой статье разницу. Разница такая- см. рис 5.

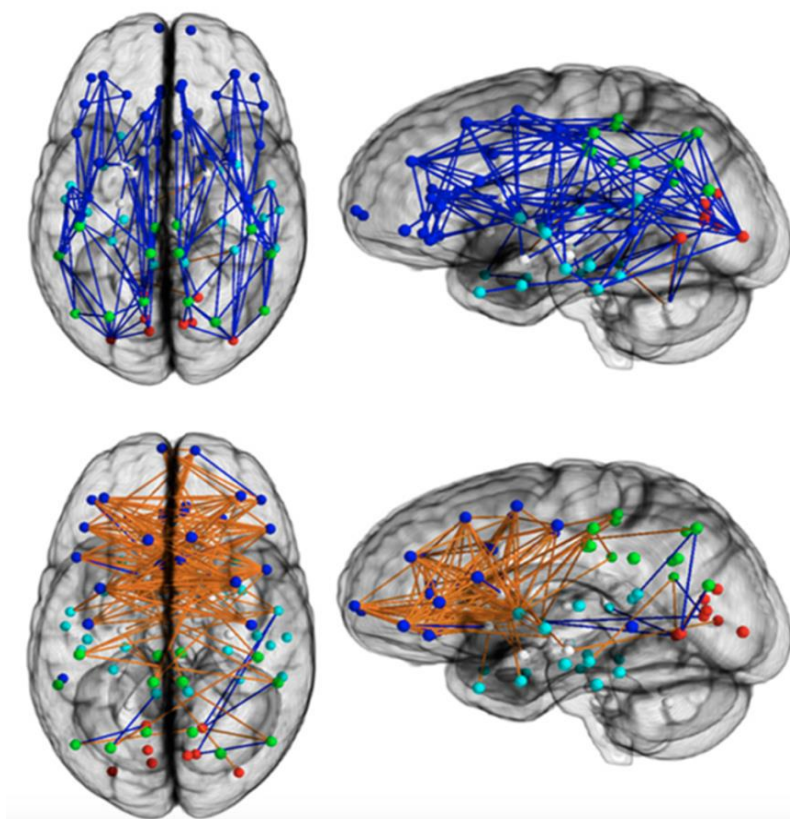

Рис.5

«Синий» мозг – мужской. Нижний, «желтый» - женский. Они что увидели: что есть разница между связанностью разных отделов мозга у женщин и мужчин. У женщин больше связаны отделы мозга между полушариями, а у мужчин – внутри полушарий. Это исследование очень активно цитируется, оно довольно большое, там около тысячи человек. Но у него есть и критика¹⁷. Критика такая: как мы узнаем, насколько силен этот эффект? Если не знать, то можно подумать, что это вообще все связи, которые есть в мозге. Очевидно, что это не так. При этом авторы не говорят, в какой степени, мозги одинаковые, а в какой степени разные. Они только говорят, что эта разница статистически есть. Более того, авторы хотя и произносят эту прекрасную фразу: «У нас есть разница в результатах тестов интеллекта», но они на этой выборке никак не измеряли разницу в тестах. Они взяли какую-то идею не совсем из своей науки и нашли ей подтверждение в своей выборке. Непонятно, вот эти люди – они реально лучше справляются с заданиями на пространственную координацию, а у этих действительно лучше социальные навыки? Совершенно непонятно! Кроме того, выборка в исследовании Ingallhalikar с коллегами – это подростки и дети. У них мозг очень пластичен и очень подвержен действию гормонов. Когда у вас выборка изменяющихся мозгов, вы можете прийти к выводу о половом различии за счет других свойств выборки, напрямую не связанных с полом.

¹⁷ Joel, Daphna, and Ricardo Tarrasch. "On the mis-presentation and misinterpretation of gender-related data: the case of Ingallhalikar's human connectome study." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 111.6 (2014): E637-E637.

И теперь научное открытие третье, которое самое феминистское. Посмотрите название: «Пол за пределами гениталий» (Sex beyond the genitalia)¹⁸. Это тоже статья очень цитируемая. Что сделали авторы: они посмотрели на 1400 мозгов по 700 мужских и женских, и исследовали 100 разных структур в этих мозгах, т.е. размеры этих структур исследовали. Посчитали отличия между группами мужчин и женщин по каждой структуре. Сделали шкалу: более мужская структура – более женская структура

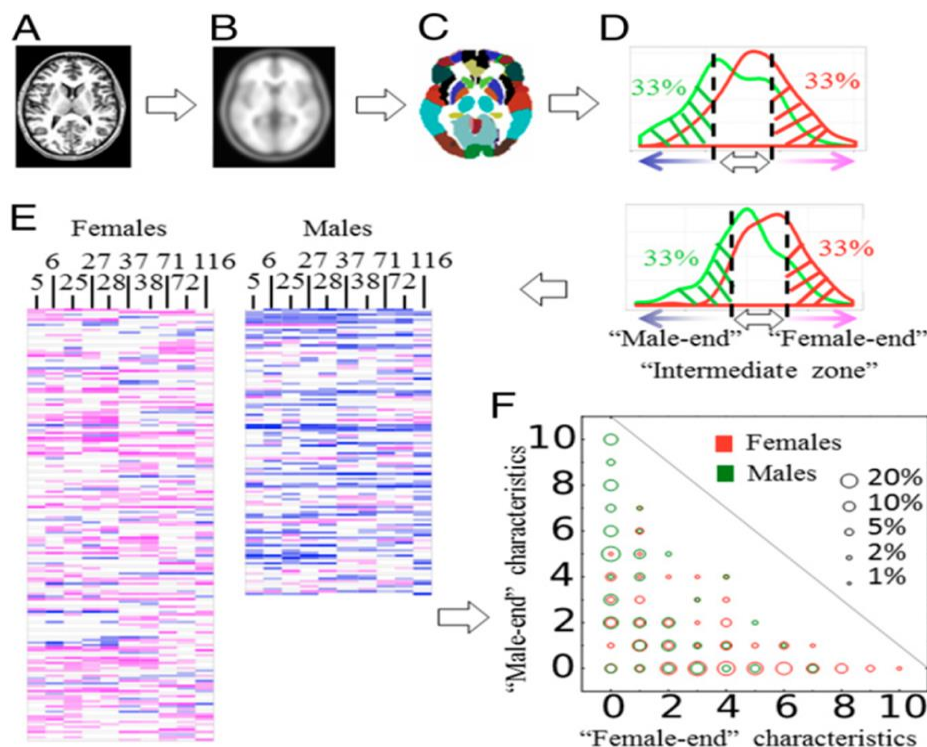

Рис. 6

И потом посмотрели, куда на этой шкале попадают не мозги в целом, а каждый конкретный мозг, чтобы понять, насколько мужские мозги мужские по всем параметрам и насколько женские мозги – женские. И что обнаружили? Разные структуры в каждом конкретном мозгу и женскими качествами обладают, и мужскими. Могут быть и на женской стороне спектра, и на мужской. И только 1 из 20 мозгов по вот этим 100 структурам находится точно на той или другой половине. См. рис. 6

Естественно, у этой статьи¹⁹ тоже есть большое количество комментариев. Одни ученые²⁰ скучно пересчитали данные и сказали, что все немножко не так. Другие – вообще возмутились и сказали, что есть мужские и есть женские мозги. Потому что вы смотрите морфологию прежде, чем функциональность. И если не смотреть морфологию, то все работает²¹. Дальше есть замечательная работа²² про то, что если в обратную сторону

¹⁸ Joel, Daphna, et al. "Sex beyond the genitalia: The human brain mosaic." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112.50 (2015): 15468-15473.

¹⁹ Joel, Daphna, et al. "Sex beyond the genitalia: The human brain mosaic." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112.50 (2015): 15468-15473.

²⁰ Rosenblatt, Jonathan D. "Multivariate revisit to "sex beyond the genitalia"." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 113.14 (2016): E1966-E1967.

²¹ Glezerman, Marek. "Yes, there is a female and a male brain: Morphology versus functionality." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 113.14 (2016): E1971-E1971.

²² Del Giudice, Marco, et al. "Joel et al.'s method systematically fails to detect large, consistent sex differences." *Proceedings of the National Academy of Sciences* 113.14 (2016): E1965-E1965.

сделать, т.е. результаты исследования «Пол за пределами гениталий» применить к группе мозгов с неизвестным полом, то окажется, что где-то в 70-80 % случаев можно определить пол мозга. Насколько это большая цифра? Насколько другие методы определения пола человека лучше?

И вот основной вывод. Я не претендую на академичность, я занимаюсь другими науками... Но биология сама по себе – это просто другой способ подойти к тому сложному конгломерату природного и социального, которым является человек. Этот способ никоим образом не фундаментален, не лучше, не превосходит способы, применяемые социальными науками. И чтобы на биологический способ познания человека опираться в своих рассуждениях, надо в нем разбираться. И это несколько отличает биологию от химии, физики и математики. В биологии человеческого поведения пока нет постоянной Планка, законов Максвелла... Там все тоже очень мутно, там все тоже меняется, все может быть опровергнуто и не подтверждено. И поэтому не стоит пользоваться аргументами из биологии, потому что можно просто ошибиться.

Для цитирования:

Авторы: Антон Тихонов

Выпуск: №4 2019

Страницы: 5-13

Раздел: Обзоры

URL: <https://familypsychology.ru/anton-tihonov-cto-v-nas-po-prirode-i-kakoj-nam-s-e-togo-tolk-opirat-sya-li-sotsial-ny-m-naukam-na-biologiyu/>

---

1 Текст основан на выступлении автора на конференции «Без цензуры», Москва 18-19 мая 2019 .

DOI - 10.24411/2587-6783-2019-10004

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИЗНАКОВ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА И ПАРАМЕТРОВ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ

1 Коган-Лернер Л.Б., 2 Орлова Е.С., 3 Быховец Ю.В.

1 НИУ ВШЭ, департамент психологии

2 МГУ им М.В.Ломоносова, ф-т психологии

3 Институт психологии РАН

Аннотация

В статье представлена часть комплексного исследования по изучению взаимосвязи признаков посттравматического стресса с разными аспектами семейной структуры. В исследовании приняли участие 162 женщины, ответившие на онлайн-опросники ШОВТС (Шкала оценки травматического события) и FACES-IV (Шкала семейной адаптивности и сплоченности IV). Рассмотрены взаимосвязи между основными параметрами структурной организации семьи (хаотичностью, ригидностью, гибкостью, слитностью, разобщенностью, сплоченностью, открытой коммуникацией и удовлетворенностью взаимоотношениями в семье) и признаками посттравматического стресса (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость). С помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA обнаружены связи между рядом параметров, имеющие как одностороннюю (признаки избегания ШОВТС и параметры сплоченности и коммуникации FACES-IV), так и двухстороннюю (параметр хаотичности FACES-IV и признаки вторжения, избегания, физиологической возбудимости; параметры сплоченности, гибкости, разобщенности, слитности и признаки физиологической возбудимости ШОВТС) направленность.

Ключевые слова: Признаки посттравматического стресса, вторжение, избегание, возбуждение, параметры семейной структуры, сплочённость и гибкость, слитность и разобщённость, хаотичность и ригидность, коммуникация, удовлетворённость семейными отношениями.

THE INTERDEPENDENCE BETWEEN POSTTRAUMATIC STRESS FEATURES AND THE STRUCTURAL DIMENSIONS OF FAMILY SYSTEM

1 Kogan-Lerner Lina, 2 Ekaterina Orlova, 3 Bykhovets Julia

1NRU HSE

2 Lomonosov Moscow State University, department of psychology

3 Institute of Psychology, Russian Academy of Science

A part of a complex research dedicated to studying the interdependence between the posttraumatic stress features and the structural dimensions of family system is presented in this paper. 162 women have participated in the study by filling in the on-line versions of IES-R (Impact of Event Scale) and FACES-IV (Family Adaptability and Cohesion Scale). Thus, in this study correlations between the structural dimensions of family system (balanced scales: cohesion and flexibility; unbalanced scales: disengaged, enmeshed, chaotic, rigid; communication and family satisfaction scales) and posttraumatic stress features (intrusion, avoidance and hyperarousal) are considered. Using the one-way ANOVA the following statistically significant differences were revealed: (1) one-ended relationship between avoidance features (IES-R) and cohesion and communication dimensions (FACES-IV); (2) two-ended relationship between chaotic scale dimension (FACES-VI) and intrusion, avoidance, hyperarousal features (IES-R); (3) two-ended relationship between cohesion, flexibility as well as disengaged, enmeshed scales dimensions (FACES-VI) and hyperarousal features (IES-R).

Keywords: Posttraumatic stress features (intrusion, avoidance, hyperarousal) , structural dimensions of family system (cohesive and flexible, disengaged and enmeshed, chaotic and rigid; communication and family satisfaction)

Введение

В данной статье представлены результаты исследования, позволяющего рассмотреть некоторые закономерности функционирования психики человека и семейной системы в условиях столкновения со сверхэкстремальным стрессором. Проблема влияния травматических событий на человека традиционно рассматривается в русле изучения посттравматического стресса (ПТС). Надо отметить, что в англоязычной литературе понятия посттравматического стресса (posttraumatic stress) и посттравматического стрессового расстройства (posttraumatic stress disorder) используются как синонимичные понятия, в то время как в русскоязычных исследованиях за понятием “посттравматический стресс” закреплено значение “психологическая реальность травматического переживания” (Тарабрина Н.В. 2007; Тарабрина Н.В., 2008). Именно так мы используем это понятие в данной статье.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью выявления более сфокусированных мишеней психотерапевтической работы с семьями, в которых есть человек, переживший психотравмирующую ситуацию.

Заявленная проблематика имеет большой социальный резонанс в связи с тем, что в современном мире вероятность попадания в травматическую ситуацию постоянно возрастает (Тарабрина Н.В., 2008), так как растет темп жизни, появляются новые стрессоры (например, информационно-психологические). Формирование у человека, пережившего травматическую ситуацию, признаков ПТС неизбежно оказывает воздействие на его ближайшее окружение, изменяя существующие отношения, трансформируя установленные правила и ролевые установки, психологическую дистанцию и коммуникацию. Вместе с тем, семья также выступает психологическим ресурсом в адаптации человека к пережитой травме. Именно поэтому изучение ПТС в контексте семейного взаимодействия представляется актуальным.

Для более детального понимания того, какое значение имеет наличие признаков ПТС у одного из членов для функционирования семьи в целом, мы провели исследование взаимосвязи индивидуально-психологических реакций (признаки ПТС), возникших в результате столкновения человека с психотравмирующей ситуацией, и психологических особенностей его семьи (структурных параметров семейной системы).

В исследовании проявлялись гипотезы о том, что

1. проявления ПТС встраиваются в семейное взаимодействие, что находит отражение в специфике структурной организации семейной системы;
2. структурные параметры семейной системы поддерживают проявления посттравматических признаков.

Обзор литературы

Исследования влияния психической травмы на человека имеют достаточно богатую историю и, вероятно, наиболее традиционным является изучение этой темы во взаимосвязи с ПТС. При этом можно условно выделить несколько основных фокусов внимания исследователей, занимающихся проблематикой ПТС.

Значительная часть работ связана с интересом к психологическим особенностям переживания травмы и разработке разных моделей посттравматического стресса (Тарабрина Н.В., 2008; Хрусталева Н.С., 2014; Ford J., 2015); предикторам формирования посттравматического стрессового расстройства (Тарабрина Н.В., 2008; Хрусталева Н.С., 2014; Olf M., 2017); гендерной специфике травматизации (Olf M., 2017) и т.п. Можно обозначить эти исследования как сосредоточенные на интрапсихических феноменах переживания травмы. К. Эрбс отмечает, что ПТСР изначально и было концептуализировано именно как интраперсональное расстройство, что мешало увидеть тот межличностный контекст, в котором оно протекает (Erbes C., 2011). Соответственно, другим исследовательским направлением является как раз изучение того, каким образом посттравматический стресс встраивается в интерпсихическую реальность; как проявления ПТС взаимосвязаны с супружескими, детско-родительскими, отношениями, взаимодействием в близком социальном окружении. Наше исследование, скорее можно отнести к этому второму направлению, так как в центре внимания оказываются взаимосвязи проявлений признаков ПТС и параметров семейной структуры респондентов. Исследования, посвященные изучению ПТС в контексте отношений, показывают, что проявления ПТС встраиваются во взаимодействие человека, пережившего травму, с его близкими. Целый ряд проблем встречается как в супружеских, так и в детско-родительских отношениях.

Значительное количество исследований показывает снижение удовлетворенности *супружескими отношениями* в семьях, где один из партнеров – носитель ПТС. Наличие наряду с ПТСР депрессивной симптоматики у одного из членов семьи коррелирует с низкой удовлетворенностью супружескими установками, при этом обнаруживается опосредствованная связь с функциональностью родительских стратегий и уровнем удовлетворенности детско-родительскими отношениями (Hershowitz M., 2017).

ПТСР связывают с проблемами как сексуальной, так и эмоциональной близости между партнёрами, сложностью предоставлять поддержку партнеру, низкой удовлетворенностью отношениями, сложностями взаимной адаптации в паре, вспышками насилия, меньшей вовлеченностью в отношения (Lambert J., 2014; Lehrner A., 2018; Evans L., 2003; Cukor J., 2010; Gewirtz A., 2010). Партнеры тех, у кого диагностирован ПТСР, также чаще говорят о дистрессе во взаимоотношениях, вовлеченности в негативные паттерны общения и сложности в предоставлении близости. Наличие поддержки и заботы со стороны близкого партнера связано с выздоровлением и преодолением ПТСР, в то время как проблемы во взаимоотношениях партнеров могут повлечь за собой сложность в поддержании близких связей, которые так нужны для успешного процесса выздоровления (Leifker F., 2015). При этом отдельные исследования показывают, что партнеры тех, кто пережил травму, зачастую сами проявляют признаки ПТС (Riggs D., 2014).

Исследования ПТС в контексте *детско-родительских отношений* дают представления о том, как меняется восприятие собственного родительства у носителей ПТС, как меняется процесс воспитания, а также об особенностях психического состояния детей, чьи родители пережили травматическое событие.

Показано, что посттравматическое стрессовое расстройство взаимосвязано с меньшей удовлетворенностью отношениями со своими детьми и более дистантным родительством (носители ПТСР реже взаимодействуют со своими детьми) (Hershowitz M., 2017). Наличие ПТСР у одного из родителей взаимосвязано с проблемным поведением и наличием психологического дистресса у детей; уровнем родительского стресса, конфликтами между родителями и детьми, наличием жестких дисциплинарных

мер (Lambert J., 2014); социальной дезадаптацией детей (Dalgaard N., 2016). Кроме того, была обнаружена взаимосвязь между особенностями коммуникации о травме внутри семьи и тревожным стилем привязанности у ребенка. Тревожный стиль привязанности у детей чаще встречался в тех случаях, когда родитель говорил о пережитой им травме с соответствующими пережитому эмоциями при ребенке третьему лицу и при этом утверждал, что ребенок ничего не знает о травматических событиях и их влиянии на родителя (Dalgaard N., 2016). На воспитательные стратегии оказывает влияние тяжесть травмирующего события и уровень ПТС. Наличие признаков ПТС связано с такими стратегиями воспитания, как гипопротекция и недостаточность требований-обязанностей. При этом с повышением тяжести боевой травмы увеличивается вероятность проявления тревожно-опекаемых характеристик воспитания (Пермогорская Е.М., 2011).

Целый пласт исследований посвящен изучению *функционирования семьи* с признаками ПТС. Так, например, показано, что семьи подростков-онкопациентов, находящихся на этапе ремиссии и демонстрирующих признаки ПТС, отличаются трудностями в принятии решения по поводу ежедневных сложностей, нерелевантные эмоциональные реакции друг на друга и либо чрезмерно много совместного времяпрепровождения, либо чрезмерно мало (Alderfer M., 2009).

Изучение взаимосвязи между проявлениями ПТС у ветеранов вьетнамской войны, признаками ПТС их партнёров и семейным функционированием этих пар (Evans L., 2003) показывает, что для ветеранов существует взаимосвязь между всеми тремя признаками ПТС (вторжение, избегание, возбудимость) и семейным функционированием, а для их партнеров эта взаимосвязь существует между двумя признаками ПТС (избегание и возбудимость). То есть симптомы избегания и возбудимости вовлечены во межличностное взаимодействие, в то время как симптомы вторжения больше связаны с внутриличностными процессами и больше воздействуют на самого носителя ПТС.

Таким образом, довольно значительное количество исследований (в основном, за небольшим исключением англоязычных) посвящено изучению ближайшего окружения человека, пережившего травму, супружеским и детско-родительским отношениями. Вместе с тем, практически отсутствуют исследования, рассматривающие феномен посттравматического стресса в контексте семьи как системы, с точки зрения ее структурной организации.

Выборка

Выборка нашего исследования – 162 женщины, средний возраст 38 лет (+/- 12 лет). 62 респондента, 38% в качестве травматического события отметили смерть близкого человека, 18 (11%) отметили насилие, как физическое, так и эмоциональное, 14 (9%) отметили изнасилование, 11 (7%) – не отметили никакого события, 10 (6%) выбрали развод, 8(5%) – суицид, 8(5%) - течение беременности, 8(5%) – пережитую аварию, 7 (4%) – предательство, 7 (4%) – другое событие, 3 респондента указали здоровье, 2 – переезд, 1- кражу, 1- наркотики, 1 - пожар, 1- суд.

Выборка характеризуется высоким уровнем выраженности признаков ПТС: 35 % респондентов нашей выборки показали высокий уровень выраженности признаков ПТС, в то время как генеральной совокупности соответствуют цифры 8,3 % – 10, 5 % [14].

Методы

При проведении исследования были использованы следующие методики:

1. Шкала оценки влияния травматического события (Impact of Event Scale — IES-R, Horowitz, Winneretal. 1979, адаптация Н.В. Тарабриной (Тарабрина Н.В., 2007). Методика направлена на выявление признаков ПТС и оценку степени их выраженности. Шкала состоит из 22 пунктов, которые распределяются в три шкалы: «вторжение», «избегание» и «физиологическая возбудимость». Эти три шкалы суммируются в четвертую: «общий балл ШОВТС».

2. Опросник «Шкала семейной адаптивности и сплоченности IV» (FACES-IV, Olson D.H., et al., 2006), адаптация М. Зеленской, магистерская диссертация под рук. Г.Л. Будинайте, 2016) (Зеленская М.С., 2016), который направлен на оценку структуры семейной системы. Всего в этом варианте опросника – 8 шкал: сплоченность (A – cohesion) и гибкость (B – flexibility) – сбалансированные шкалы, разобщенность (C – disengaged), слитность (D – enmeshed), ригидность (E – rigid), хаотичность (F – chaotic) – несбалансированные шкалы, и, наконец, коммуникация (communication) и удовлетворенность семейными отношениями (family satisfaction) – дополнительные шкалы. Сбалансированная сплоченность и сбалансированная гибкость – линейные шкалы. Несбалансированные шкалы располагаются на крайних высоких и низких значениях линейных шкал: разобщенность – крайнее низкое и слитность – крайнее высокое по шкале сплоченность, в то время как ригидность – крайнее низкое, а хаотичность – крайнее высокое по шкале гибкость. Таким образом, если набранные баллы определяют местоположение данной семьи на крайних значениях по линейным шкалам, делается предположение о дисфункциональности данной семьи. В основе этого опросника лежит циркулярная модель семейной системы, где функционирование семейной системы, в большой степени определяют ее сплоченность, гибкость и коммуникация. Респондентам предлагалось описать реальную семью с помощью оценивания 62 высказываний. Обработка протоколов проводилась с помощью ключей, предлагаемых авторами методики.

Все методики были переведены в электронную форму и размещены онлайн. Участие в исследовании было добровольным. Во вступительной части участникам была дана инструкция, кратко разъяснялась направленность исследования и гарантировалась конфиденциальность. Всем испытуемым предлагалось анонимно заполнить анкету, а затем ответить на вопросы предлагаемых методик.

Расчеты проводились с помощью программы SSPSv19. Для статистического изучения связей переменных применялся метод ранговых корреляций Спирмена и однофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Результаты

В соответствии с нашей теоретической гипотезой мы предполагали, что интерпсихический и интрапсихический уровни переживания травматического события взаимосвязаны. Ниже представлены результаты исследования данной взаимосвязи по двум направлениям:

1. Рассматриваются влияние признаков ПТС (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость) на изменение параметров семейной структуры.
2. Проведена оценка факторов семейной структуры, поддерживающих проявления посттравматического стресса.

Для проверки гипотезы о связи признаков ПТС и параметров семейной системы был рассчитан ранговый коэффициент корреляции Спирмена (r_s) (табл.1).

Таблица 1. Значения статистически значимых коэффициентов корреляции между шкалами ШОВТС и FACES-IV

№	Шкалы ШОВТС	Шкалы FACES-IV	r_s	p
1	избегание	Хаотичность	0.341	0.000
2	физиологическая возбудимость	Сплоченность	-0.182	0.021
		разобщенность	0.158	0.045
		Слитность	0.171	0.03
		Хаотичность	0.256	0.001
		УСО	-0.159	0.044

Из таблицы 1 видно, что все признаки ПТС положительно связаны с таким несбалансированным параметром семейной системы как «хаотичность». Признаки кластера «физиологическая возбудимость» отрицательно связаны с сбалансированным параметром FACES-IV (сплоченность) и положительно с несбалансированными параметрами (разобщенность, слитность, хаотичность). То есть, можно предположить, что проявление признаков ПТС в семейной системе делают структуру такой семьи более хаотичной и слитной и менее сплоченной.

Исходя из результатов анализа корреляционной связи между показателями ШОВТС и FACES-IV, было решено провести однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Были выявлены как двусторонние связи, так и односторонние связи между изучаемыми параметрами, которые представлены ниже.

В таблицах 1, 2, 3 приложения 1 представлены полученные результаты. Разделение выборки по группам проводили по выраженности показателей ШОВТС.

1. Влияние признаков ПТС на структурные параметры семейной системы

1.1 Хаотичность

Результаты проведенного однофакторного дисперсионного анализа ANOVA показывают, что наиболее чувствительный параметр семейной структуры, на который оказывают влияние все три группы признаков ПТС, – это **хаотичность**. Показано, что при возрастании значений вторжения, избегания и физиологической возбудимости монотонно возрастают значения хаотичности.

Похоже, не только само по себе столкновение с травматическим событием дестабилизирует семейную систему и повышает ее хаотичность (выражающуюся в отсутствии четкого распределения ролей, правил и так далее), но и проявление признаков ПТС у одного из членов семьи оказывает такое же воздействие на структуру семьи.

1.2 Сплоченность

Вторым результатом, являются данные об обратной связи сплоченности с признаками ПТС избегание и физиологическая возбудимость. На поведенческом уровне признаки избегания проявляются в нежелании вспоминать случившееся и сталкиваться с чувствами в связи с пережитым, в уклонении от разговоров, связанных с травмой, нежелании возвращаться к действиям, местам или людям, которые пробуждают воспоминания о травме. Физиологическая возбудимость представлена на уровне действий в появлении трудностей со сосредоточением внимания, с нарушением засыпания или плохим сном (ранние пробуждения), возникновении раздражительности или вспышек гнева, повышенной настороженности, гипербдительности, состояния постоянного ожидания угрозы.

Очевидно, что именно эти комплексы признаков в значительной степени будут встроены во взаимодействие членов семьи (и избегание, и вторжение зачастую могут проявляться как направленные на другого человека, предполагать его участие: в этом смысле члены семьи могут оказываться в роли, например, объектов агрессии или невольно выступать триггерами нежелательных переживаний). Иначе дело обстоит с признаками вторжения, с которыми пострадавший сталкивается во внутреннем плане, и родственники даже не всегда могут о них знать. Такая поведенческая деформация способствует снижению сплоченности между членами семьи, как реакции на описанные изменения. Поведенческие проявления признаков ПТС избегания и физиологической возбудимости влияют на изменения эмоциональной дистанции между членами семьи, что может приводить к трудностям налаживания совместности, снижению конструктивности решения проблем, затруднении возможности оказывать эмоциональную поддержку друг другу.

1.3 Коммуникация

Полученная отрицательная связь признака избегания с параметром семейной системы «коммуникация» свидетельствует о том, что чем выше проявления признака избегания, тем менее члены семьи открыты для коммуникации в семейной системе (возможны проявления закрытости в общении, отгороженности, могут возникать трудности в предъявлении проблемных ситуаций для совместного обсуждения, агрессивность во взаимодействии, неконгруэнтность общения и т.д.).

1.4 Гибкость, разобщенность и слитность

Получен результат о том, что такая характеристика семейной системы как эмоциональная дистанция выходит на первый план, когда мы описываем реакцию родных на проявления признаков физиологической возбудимости у человека, пережившего травму. Можно предположить, что близкие будут реагировать либо желанием укрыться, отстраниться, дистанцироваться; либо будут проявлять эмоциональную несдержанность, вовлекаться в цикл взаимодействия, запускаемый внезапным ухудшением психического состояния. В данном случае мы видим, что физиологическая возбудимость способна

приводить к росту таких дисфункциональных характеристик семейной системы, как разобщенность и слитность.

Дополнительно было выявлено, что проявления физиологической возбудимости снижают гибкость семейной системы, т.е. влияют на адаптивность семьи к изменяющимся обстоятельствам. Возможным объяснением данного результата является тот факт, что, если один из членов семьи ведет себя непредсказуемо и чрезмерно импульсивно (вспышки агрессии, эмоциональная лабильность, состояние гипербдительности, трудности с засыпанием и т.д.), это выступает внутренним стрессором для семьи в целом. Можно предположить, что часть ресурсов семейной системы в этой ситуации будет тратиться на то, чтобы адаптироваться к этому внезапно изменяющемуся поведению члена семьи. Вероятно, именно поэтому гибкость, способность семьи функционально реагировать на внешние стрессоры, снижается в силу того, что ведущей задачей семьи становится приспособление к постоянным внутренним (внутрисемейным) изменениям.

Этот результат дополняет представленные выше данные о хаотичности семейной системы с ПТС. Можно предположить, что проявления ПТС по критерию физиологической возбудимости приводят к снижению гибкости, сопряженному с повышением хаотичности семейной системы. Как будто импульсивность члена семьи с ПТС, связанная с физиологической возбудимостью как проявлением травматизации, рушит возможность договариваться, распределение зон ответственности между членами семьи.

2. Влияние структурных параметров семейной системы на признаки ПТС

Для проверки гипотезы о том, что особенности функционирования семейной системы вносят вклад в поддержание посттравматических признаков, возникших у человека в ответ на переживание травматической ситуации, был проведен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (приложение 2).

2.1. Удовлетворенность семейными отношениями и физиологическая возбудимость

Обнаружено статистически достоверное влияние удовлетворенности семейными отношениями на проявления физиологической возбудимости как признака ПТС, т.е. удовлетворенность выступает фактором снижения подобных проявлений. То, насколько человек чувствует себя счастливым со своей семьей выступает как бы буфером для негативной аффективности, вызванной травматическими переживаниями. Этот результат свидетельствует о том, что наличие безопасного и поддерживающего окружения является важным условием для успешной адаптации после столкновения с травматическим событием.

2.2. Хаотичность и признаки вторжения, физиологической возбудимости и избегания

Нами были получены данные о том, что хаотичная семейная система сама по себе оказывается благоприятной “средой” для признаков посттравматического стресса. Возможно, отсутствие или несоблюдение общих правил в семье, трудности с организацией выступают дополнительным источником напряжения, который может способствовать как появлению, формированию, так и поддержанию признаков ПТС. Известно, что при столкновении со стрессором в семейной системе растет хаотичность, и в этом смысле это

ее естественный ответ. Необходимо время, чтобы произошла стабилизация системы, сформировались новые пригодные для изменившейся системы правила. В случае, если состояние хаотичности сохраняется более длительный период, можно говорить о ее дисфункциональности, которая подпитывает посттравматические проявления. Другой возможный вариант интерпретации полученной связи может быть таким: семейная система с высоким уровнем хаотичности делает человека менее стрессоустойчивым, поэтому при столкновении с травматическим событием его адаптация оказывается затруднена.

2.3. Сплоченность, гибкость, разобщенность, слитность и признаки физиологической возбудимости

Полученный результат об обратной связи функциональной шкалы сплоченности с признаками физиологической возбудимости интересен в соотнесении с данными о ее положительной связи со шкалами разобщенности и слитности семейной системы. Существуют разные варианты семейной организации с низким уровнем сплоченности. Крайними случаями выступают семьи, члены которых либо чрезмерно близки (параметр слитности), либо дистанцированы (параметр разобщенности). Известно, что в семьях такого типа будет низкий уровень функциональной совместности, которая традиционно рассматривается как предиктор успешности социально-психологической адаптации человека с ПТС.

Низкий уровень способности семьи подстраиваться под изменяющиеся условия жизни (гибкость) также выступает фактором, отягчающим психопатологические проявления ПТС по параметру физиологическая возбудимость.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что признаки посттравматического стресса комплексно взаимосвязаны с параметрами семейной системы:

1. Признаки физиологической возбудимости изменяют параметры семейной системы по наибольшему количеству направлений, снижая сплоченность, гибкость, делая вклад в увеличение разобщенности, слитности и хаотичности.
2. Признаки избегания связаны со снижением сплоченности и коммуникации, ростом хаотичности в семье.
3. С наименьшим количеством параметров семейной системы связан признак вторжения-лишь со шкалой хаотичности.

Таким образом, согласно полученным данным поведенческие проявления избегания нарушают функциональность семьи, а проявления признаков физиологической возбудимости не только снижают функциональность, но и приводят к дисфункции, что мы видим по количеству выявленных связей как с функциональным так и с дисфункциональным шкалами.

Следует отметить, что в семейной системе параметр хаотичности является наиболее чувствителен к посттравматическим изменениям. Полученная связь хаотичности со всеми параметрами ПТС свидетельствует об этом. Полученный результат совпадает с данными итальянских исследователей, показавших на выборке матерей онкопациентов, что в момент острой травмы семейные системы характеризуются хаотичностью и запутанностью (Perricone G., 2012).

Признаки ПТС (вторжение, избегание и физиологическая возбудимость) можно рассматривать как нормативный ответ психики на столкновение со стрессором высокой интенсивности. Так разворачивается адаптация к травме на индивидуальном уровне. В том случае, если данные реакции остаются или даже увеличиваются по интенсивности, частоте проявлений, это может приводить к дезадаптации человека, пережившего травму.

На уровне семейной системы столкновение с внешним стрессором (в данном случае - с травмой) также приводит к нормативному ответу - повышению хаотичности (которая становится определяющим параметром системы в период кризиса). Высокий уровень хаотичности семейной системы в момент столкновения со стрессором высокой интенсивности позволяет приспособиться к новым обстоятельствам, выработать новые правила взаимодействия и рассматривается как вариант нормы. Однако сохранение системы в состоянии хаоса длительный период является дисфункциональным признаком.

Вторая группа результатов касается того, каким образом средовой контекст отношений может поддерживать травматизацию и тогда мы видим, что параметры сплоченности, гибкости, разобщенности, слитности и хаотичности способны к поддержанию физиологической возбудимости, а для признаков ПТС избегание и вторжение такой характеристикой семейной системы является хаотичность. Таким образом, мы видим, что хаотичность - параметр семейной системы, который наиболее чувствителен к травматизации. Полученные нами данные о том, что связи между признаками ПТС и хаотичностью имеет взаимное влияние свидетельствует о том, что члены семьи попадают в некоторого рода «травмацентрическую ловушку»: поведенческие проявления признаков ПТС (вторжения, избегания и физиологической возбудимости) приводят к возрастанию хаотичности на уровне семейной подсистемы, что в свою очередь является отягчающим фактором и приводит к усилению посттравматических проявлений на уровне отдельного травмированного члена семьи. Таким образом, возникает патологический цикл, когда проявление признаков ПТС приводит к хаотичности семейной системы, которая в свою очередь поддерживает травматические переживания.

Полученный результат о множественности взаимосвязей физиологической возбудимости с параметрами семейной структуры, возможно, свидетельствует о том, что для его компенсации требуется привлечение большего количества ресурсов семьи.

ВЫВОДЫ

1. Признаки посттравматического стресса оказывают дифференцированное влияние на структурную организацию семейной системы. Так, наиболее чувствительным структурным параметром оказалась хаотичность, связанная со всеми признаками ПТС (вторжение, избегание, физиологическая возбудимость). В наибольшей степени в семейное взаимодействие встраивается физиологическая возбудимость, оказывающая влияние как на функциональные параметры семьи - сплоченность, гибкость, так и на дисфункциональные - разобщенность, слитность, хаотичность.
2. Показано, что хаотичные, разобщенные, слитные семьи, а также семьи с низким уровнем сплоченности и гибкости оказываются в зоне риска по поддержанию признаков посттравматического стресса у человека, столкнувшегося со сверхэкстремальным стрессором.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зеленская М.С. (2016) Адаптация методики FACES-IV на российской выборке подросткового возраста. Выпускная квалификационная работа, НИУ ВШЭ.
2. Пермогорская Е.М., Падун М.А. (2011) Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД – участников контртеррористических операций на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. № 3 (17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.11.2017). 0421100116/0031.
3. Тарабрина Н.В. и др. (2007) Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Часть 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр.
4. Тарабрина Н.В. (2008) Психология посттравматического стресса: интегративный подход: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.04 / Надежда Владимировна Тарабрина. Санкт-Петербург.
5. Хрусталева Н. (2014) Психология кризисных и экстремальных ситуаций. Психическая травматизация и ее последствия. Учебник. СПб.: Издательство СПбГУ.
6. Alderfer M., Navsaria N., Kazak N. (2009) Family functioning and posttraumatic stress disorder in adolescent survivors of childhood cancer // *Journal of Family Psychology*. Vol. 29. N. 5. P. 717-725.
7. Cukor J et al. (2010) Evidence-based treatments for PTSD, new directions, and special challenges // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1208. N. 1. P. 82-89.
8. Dalgaard N. et al. (2016) The transmission of trauma in refugee families: associations between intra-family trauma communication style, children's attachment security and psychosocial adjustment // *Attachment & Human development*. Vol. 18. N. 1. P. 69–89.
9. Erbes C. et al. (2011) Couple adjustment and posttraumatic stress disorder symptoms in National Guard veterans of the Iraq war // *Journal of Family Psychology*. Vol. 25. No. 4. P. 479–487.
10. Evans L. et al. (2003) Chronic posttraumatic stress disorder and family functioning of Vietnam veterans and their partners // *Journal Psychiatry*. Vol. 37. N. 6. P. 765-772.
11. Ford J. et al. (2015) *Posttraumatic Stress Disorder: Scientific and Professional Dimensions*. London: Academic Press. P. 618.
12. Gewirtz A. et al. (2010) Posttraumatic stress symptoms among National Guard soldiers deployed to Iraq: associations with parenting behaviors and couple adjustment // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol. 78. No. 5. P. 599–610.
13. Hershowitz M. et al. (2017) Posttraumatic Stress Disorder, Parenting, and Marital Adjustment among a Civilian Population // *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. P. 1655.
14. Kilpatrick D. et al. (2013) National estimates of exposure to traumatic events and PTSD prevalence using DSM-IV and DSM-5 criteria // *Journal of traumatic stress*. Vol. 26. N. 5. P. 537-547.
15. Lambert J., Holzer J., Hasbun A. (2014) Association between parents' PTSD severity and children's psychological distress: a meta-analysis // *Journal Trauma. Stress*. Vol. 27. P. 9–17.
16. Lehrner A. et al. (2018) Trauma across generations and paths to adaptation and resilience // *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*. Vol. 10. № 1. P. 22-29.
17. Leifker F. et al. (2015) Posttraumatic stress disorder symptoms impact the emotional experience of intimacy during couple discussions // *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 29. P. 119–127.
18. Olf M. (2017) Sex and gender differences in post-traumatic stress disorder: an update // *European journal of psychotraumatology*. Vol. 8. № 4.
19. Perricone G. et al. (2012) Functioning of family system in pediatric oncology during treatment phase // *Pediatric hermatology and Oncology*. P. 1-11.

20. Riggs D. (2014) Traumatized relationships: Symptoms of posttraumatic stress disorder, fear of intimacy, and marital adjustment in dual trauma couples // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. Vol. 6. № 3. P. 201–206.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Таблица 1. Влияние уровня выраженности признака вторжения ШОВТС на параметр хаотичность FACES-IV

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р-уровень
хаотичность	Между группами	202,630	2	101,315	3,842	,024
	Внутри групп	4087,301	155	26,370		
	Общий	4289,930	157			

Таблица 2. Влияние уровня выраженности признака избегание ШОВТС на параметры сплоченность, коммуникация, хаотичность FACES-IV

		Сумма квадратов	f	Средний квадрат	F	р-уровень
сплочённость	Между группами	259,692		129,846	3,799	,025
	Внутри групп	5297,650	55	34,178		
	Итого	5557,342	57			
коммуникация	Между группами	516,936		258,468	3,068	,049

	Внутри групп	13058,938	55	84,251		
	Итого	13575,873	57			
хаотичность	Между группами	594,721		297,360	12,473	,000
	Внутри групп	3695,210	55	23,840		
	Итого	4289,930	57			

Таблица 3. Влияние уровня выраженности признака физиологическая возбудимость ШОВТС на параметры сплоченность, гибкость, разобщенность, слитность, хаотичность FACES-IV

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р-уровень
сплоченность	Между группами	298,619	2	149,310	4,401	,014
	Внутри групп	5258,723	155	33,927		
	Итого	5557,342	157			
гибкость	Между группами	259,843	2	129,922	3,973	,021
	Внутри групп	5068,340	155	32,699		
	Итого	5328,184	157			
разобщенность	Между группами	221,912	2	110,956	3,342	,038

	Внутри групп	5146,575	155	33,204		
	Итого	5368,487	157			
слитность	Между группами	321,717	2	160,859	7,712	,001
	Внутри групп	3233,226	155	20,860		
	Итого	3554,943	157			
хаотичность	Между группами	467,332	2	233,666	9,475	,000
	Внутри групп	3822,598	155	24,662		
	Итого	4289,930	157			

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Таблица 1. Влияние уровня выраженности сплоченности FACES-IV на выраженность признаков физиологической возбудимости ШОВТС

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р-уровень
физиологическая возбудимость	Между группами	551,430	2	275,715	3,242	,042
	Внутри групп	13181,760	155	85,044		

	Итого	13733,19 0	157			
--	-------	---------------	-----	--	--	--

Таблица 2. Влияние уровня выраженности параметра гибкости FACES-IV на выраженность признаков физиологической возбудимости ШОВТС

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р-уровень
физиологическая возбудимость	Между группами	658,438	2	329,219	3,903	,022
	Внутри групп	13074,752	155	84,353		
	Итого	13733,190	157			

Таблица 3. Влияние уровня выраженности параметра разобщённости FACES-IV на выраженность признаков физиологической возбудимости ШОВТС

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р-уровень
физиологическая возбудимость	Между группами	762,157	2	381,078	4,554	,012
	Внутри групп	12971,033	155	83,684		
	Итого	13733,190	157			

Таблица 4. Влияние уровня выраженности параметра слитности FACES-IV на выраженность признаков физиологической возбудимости ШОВТС

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р-уровень

возбуждение	Между группами	539,136	2	269,568	3,167	,045
	Внутри групп	13194,054	155	85,123		
	Итого	13733,190	157			

Таблица 5. Влияние уровня выраженности параметра хаотичности FACES-IV на выраженность признаков вторжения, избегания, физиологической возбудимости ШОВТС

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р-уровень
вторжение	Между группами	758,982	2	379,491	4,062	,019
	Внутри групп	14479,955	155	93,419		
	Итого	15238,937	157			
избегание	Между группами	1912,334	2	956,167	11,924	,000
	Внутри групп	12429,040	155	80,187		
	Итого	14341,373	157			
физиологическая возбудимость	Между группами	1763,461	2	881,731	11,418	,000
	Внутри групп	11969,729	155	77,224		
	Итого	13733,190	157			

6. Влияние уровня выраженности удовлетворенности семейными отношениями FACES-IV на выраженность признаков физиологической возбудимости ШОВТС

		Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	р- уровень
физиологическая возбудимость	Между группами	628,738	2	314,369	3,718	,026
	Внутри групп	13104,452	155	84,545		
	Итого	13733,190	157			

Для цитирования:

Авторы: Л.Б. Коган-Лернер, Е.С. Орлова, Ю.В. Быховец

Выпуск: №4 2019

Страницы: 14-30

Раздел: Исследования

URL: <https://familypsychology.ru/kogan-lerner-l-b-orlova-e-s-by-hovets-yu-v-vzaimosvyaz-priznakov-postravmaticheskogo-stressa-i-parametrov-strukturnoj-organizatsii-semejnoj-sistemy/>

DOI: 10.24411/2587-6783-2019-10004

ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI - 10.24411/2587-6783-2019-10005

ТРАВМА СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРАВМ ГЕНОЦИДОВ

Миськова Елена Вячеславовна

Доцент в МГУ им. Ломоносова

Статья посвящена исследованию мультигенерационной травмы сталинских репрессий на российской выборке. В качестве методологической и методической базы для исследования использовался подход и опросник Я. Даниэли для изучения травмы Холокоста. Согласно Даниэли, посттравматические стили поведения родителей, бабушек и дедушек в семьях, члены которых пережили события геноцида, связаны с восстановительными жизненными стратегиями потомков в нескольких поколениях. Опросный инструментарий позволяет их изучить в связи с семейной историей респондентов. Выборка российского исследования формировалась схожим образом с исследованием группы Даниэли и имела схожие ограничения (образованный, преимущественно женский состав респондентов, рекрутированных через социальную сеть Фейсбук). Исследование обнаружило ограничения многофакторной модели травмы геноцидов Даниэли для описания коллективной травмы сталинских репрессий как составляющей общей травмы советского тоталитаризма. Эти ограничения связаны с многими факторами, которые требуют дальнейшего изучения, среди которых особенности социокультурного контекста и типологические различия коллективных травм. В исследовании выявлена связь открытого проявления эмоциональной близости в семьях с трагической историей репрессий с повседневными жизненными стратегиями и поведением потомков.

Ключевые слова: Коллективная травма, историческая травма, семейная история

THE TRAUMA OF STALINIST REPRESSION IN THE CONTEXT OF COLLECTIVE TRAUMA OF GENOCIDES

Elena Miskova

Associate Professor, MSU

The article is based on the empirical research of the multigenerational collective trauma on the Russian sample, specifically about the trauma of Stalinist repression. As a methodological basis for the study, an approach and a questionnaire by J. Danieli was used, which she applied to study the trauma of the Holocaust. According to Danieli, post-traumatic styles of behaviors of parents and grandparents in families whose members survived the events of the genocide are associated with the reparative life strategies of the descendants in several generations. Survey tools allow to study them in connection with the family history of respondents. The sample of the Russian research was formed in a similar way with the study of the Danieli group and had similar limitations (educated, mainly female respondents recruited through the social network Facebook). The study found the limitations of the multi-factor model of the genocide trauma for describing the collective trauma of Stalinist repression as part of the total trauma of Soviet totalitarianism. These limitations are associated with many factors that require further study, among which are features of the sociocultural context and typological differences of collective trauma. The study revealed a link between the open manifestation of emotional intimacy in families with the tragic history of repression with everyday life strategies and the behavior of descendants.

Keywords: Collective trauma, historical trauma, family history

Исследования коллективной травмы - trauma studies – являются одними из самых динамично развивающихся в последней трети XX - нач. XI вв. на стыке социальных и гуманитарных наук. Это объясняется тем, что весь XX век, по выражению Шошаны Фелман, предстает как век посттравматический (Felman, Laub, 1992). Трагические события первой и второй мировой войн, Холокоста, нацизма и других геноцидов, преступлений сталинского и иных тоталитарных режимов, терроризма позволили философам говорить о «неудаче культуры» (Адорно, 2014) и «банальности зла» в отказе от самостоятельной мысли (Арендт, 2008), стали мотивом и стимулом для переживания истории как травмы. Травма становится точкой сборки коллективных идентичностей многих групп. Социологи и философы приходят к выводу о том, что в основании нации находится не какое-либо значимое историческое событие само по себе, а лакуна, пробел – след травмы, который эти традиции и призваны описать (Ушакин, Трубина, 2009)].

Доминирующей и модельной травмой для trauma studies стала травма Холокоста. Ей были посвящены основные исследования коллективного переживания и наследования травматического опыта в психологии, социологии и культурологии на протяжении большей части второй половины XX века. Начиная с конца 90-х гг., в поле внимания исследователей попали и другие травмы геноцидов и рабства (Danieli, 1998; Hinton, Good, 2016). В отличие от травмы Холокоста травма советского тоталитаризма, в частности травма сталинских репрессий, изучена гораздо меньше. (Под сталинскими репрессиями понимаются массовые политические гонения, осуществлявшиеся в СССР в период с конца 1920-х до начала 1950-х гг. XX века).

Использование теоретических и методических приемов изучения Холокоста для оценки травмы сталинских репрессий сопряжено с рядом трудностей. Травма репрессий тонет в общей травме тоталитаризма в Советской России, поскольку коммунистический режим просуществовал гораздо дольше нацистского. В связи с этим затруднен, например, поколенный анализ. В памяти о репрессиях в России после 50-х гг. XX века были перерывы и ревизии значимости событий репрессий для коллективной идентичности. В отличие от евреев, пострадавших в Холокосте, группы жертв сталинского режима были более разнородны, несхожи между собой: пострадавшие в Холокосте не сомневались в своей социокультурной идентичности, а то, что случилось с репрессированными, подрывало ее основы. Этот внутренний конфликт и конфликт с обществом до сих пор выливается в «войны памяти» о репрессиях и советском режиме в целом (Эткинд, 2016). Тем не менее, в исследованиях травмы Холокоста разработаны важные теоретические и методические подходы к изучению многопоколенной травмы, что делает их необходимой отправной точкой и сравнительной перспективой для исследования травм других геноцидов, в том числе, травмы массовых сталинских репрессий.

1. Кооперация подходов разных социальных дисциплин в исследованиях коллективной травмы.

1.1. В социокультурном (социокультурная антропология, социология) аспекте коллективные составляющие травмы понимаются как кризисы коллективной идентичности, провоцируемые социальными потрясениями разного порядка, в результате которых меняются нормы, ценности, правила поведения людей и создаются нарративы и символические конструкты, которые становятся новыми точками сборки общества и социокультурной идентичности (Александр, 2013; Штомпка, 2015). Основные дискурсивные характеристики нарративов травмы: предписываемое (нормативное) стремление переживать событие как травму в течение нескольких поколений; психологическое отождествление с жертвой; создание сложных символических

конструктов, лежащих в основе идентификации с сообществом травмы (Айерман, 2016; Александер, 2013; La Sarra, 2001; Бенъямин, 2000). В рамках социокультурного подхода было сформулировано понятие нарративного фетишизма, под которым понимается конструирование и использование нарратива, цель которого – как можно быстрее восстановить статус кво и стереть следы утраты (Сантнер, 2009). Именно он лежит в основе героических нарративов.

Нелокализуемость травмы в координатах памяти позволяет другим поколениям включаться в трансляцию травмы соматически, на уровне сознания, ценностей и норм. Важными понятиями являются свидетельство о травме – модель высказывания о травматическом событии и свидетель травмы – агент трансляции коллективной памяти о травматическом событии. Вторичными свидетелями травмы могут быть представители поколений, не затронутых травматическими событиями непосредственно (Felman, Laub, 1992; Хальбвакс, 2005; Ассман, 2004; Мороз, Суверина, 2014). Со временем циркуляция эмоций и историй, порожденных травматическим опытом, формирует сообщества утраты, являющиеся и основным автором, и основным адресатом повествований о травмах (Карут, 2009).

1.2. В медицинской и психологической антропологии, на стыке социологии и психологии изучается коллективная травма в индивидуальных проявлениях. В каждом конкретном случае изучение природы травмы включает в себя исследование факторов уязвимости (*vulnerability factors*) и факторов, препятствующих, тормозящих восстановление от травмы (*recovery inhibitors*). Все они связаны с культурным контекстом. (Hinton, Good, 2016). Субъективные и объективные измерения коллективной травмы тесно связаны. Разные онтологические измерения участвуют в создании этой субъективности, от биологии до правово-нормативной сферы: симптоматика травмы, этнопсихология, этнофизиология, этноспиритуалогия, публичные репрезентации травматических событий и их участников, процессы излечения и преодоления, возраст и пол, социальный контекст, правовая и политическая ситуация, экономический и экологический контекст.

Концепция «множественного тела травмы» была разработана на материалах анализа разнообразных «ветеранских синдромов». Между травмирующим событием и собственно травмой всегда есть временной зазор. К формированию коллективного ПТСР приводит непризнание не участвовавшей в событии частью общества сложного, глубокого и противоречивого опыта участников, невозможность переживать травматический опыт с той же интенсивностью, что участники. Тогда принадлежность к пережившим травму становится лидирующей в иерархии идентичностей человека, он становится частью «множественного тела» травмы. Знание и опыт трагических событий оказываются непроговариваемыми, поддерживаются не в субъект-объектных отношениях, а в проявлениях соматических и символических [Ф. Давуан, Ж.-М. Годийер, 2009].

1.3. В психологии основные характеристики индивидуальной травмы – это:

- невербальность: травма отрезает от языка, как основанного на общем опыте или воображаемом прошлом;
- застревание в прошлом, которое никак при этом не может состояться как прошлое, травматическое событие бесконечно проигрывается в настоящем;
- утрата способности к игре и воображению, а также ментальной гибкости в целом, гиперактивация правого полушария в ущерб левому; застревание в состоянии «борись или беги» [Van der Kolk, 2015].

То, что соединяет психологию и социологию травмы – это сюжет о **межпоколенной (трансгенерационной) передаче семейного опыта**, который стал разрабатываться психологами в 60-70-х годах 20-века, когда обозначился общий подъем интереса к сфере социальной психологии и семейной психотерапии. Межпоколенную травму рассматривают с двух позиций: как ресурс совладающего поведения потомков (Fonagy, Target, 1997; Kestenberg, 1983; Kupelian, Kalayjian, Kassabian, 1998; Danieli, 1982) или как негативный,

снижающий функционирование фактор (Barocas, Barocas, 1973; Daud et al., 2005; Yehuda et al., 1998; Op den Velde, 1998). Основными механизмами передачи являются идентификация и проективная идентификация [Тарабрина, Майн, 2013, Богатырева М.Х., 2009]. Межпоколенная трансмиссия травмы в ее негативном аспекте связана с передачей непроработанного травматического опыта, структуризация которого ложится на плечи второго и дальнейших поколений. Чем больше невербальная составляющая передаваемого опыта, а также объем утаиваемого (секретов), тем более патологическими будут приемы структуризации опыта у потомков и их копинг-стратегии. Особенности третьего поколения в этой цепочке – в наследовании образных элементов опыта, необъяснимых из современной индивиду картины мира и личного восприятия, что может приводить к сильной деформации личности.

Единственное на данный момент опубликованное психологическое исследование трансгенерационной травмы сталинских репрессий на русском языке проведено на материале глубинных интервью с внуками жертв репрессий в 1993-1995 годах (Baker K.G., Gippenreiter J.B., 1998). Авторы исходили из двух важнейших постулатов концепции Мюррея Боуэна о процессе трансляции опыта семьи в поколениях (multigenerational process) и эмоциональном разрыве/отрыве (cut off) и проверяли гипотезу о том, что непрерывное и активное вертикальное функционирование, отсутствие разрывов в трансляции памяти о трагической истории семьи коррелирует с повышением уровня функционирования потомков, в частности, внуков репрессированных. Данная гипотеза подтвердилась: семейные ресурсы в виде личностных нравственных образцов являлись значимым фактором и ориентиром в совладании с социальным кризисом в России 90-х, по отношению которым релевантно было исследование Бейкер и Гиппенрейтер. В более функциональных семьях выжившим в репрессиях удалось создать позитивную основу для оценки опыта семьи. Информация о пережитых членами семьи репрессиях, в основном передавалась по женской линии.

В более широком контексте исследования последних лет показали, что травма в нескольких поколениях транслируется в виде:

- 1) ценностей и стратегий жизненного выбора (работы, партнера и др.) (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2006; Бондаренко, Якимова, 2014; Baker K.G., Gippenreiter J.B., 1998)
- 2) копинг-стратегий в кризисных жизненных ситуациях (Петрова, 2008);
- 3) способствующего совладанию ресурса - знаний, установок и навыков, закрепленных в семейной истории и передающихся в форме семейной памяти через артефакты, образы и нарративы (в российском контексте ценности и паттерны совладающего поведения транслируются преимущественно женщинами) (Baker K.G., Gippenreiter J.B., 1998; Сапоровская, 2010);
- 4) стилей межпоколенного взаимодействия (Куфтяк, 2014);
- 5) признаков ПТСР, усиливаемых в ходе семейного взаимодействия между пострадавшими в трагических событиях родителями или другими предками (Zerach, Levin, Aloni, Solomon, 2017; Hinton, Good, 2016; Danieli, 1998);
- 6) режимов выживания (эмоциональные состояния плюс копинг-стратегии) и правил выживания (поведение в кризисных ситуациях, неадекватное текущим жизненным условиям) (Бейкер, Варга, 2015; Varga, A., Cherepanov, E., 2016; Варга А.Я., Маркитантова О.А., Черепанов Е.).

Таким образом, символическое и психологическое измерения травмы накладываются друг на друга. Их невозможно исследовать отдельно друг от друга.

1.4. Модельная травма Холокоста.

Начиная с конца 90-х годов 20 века, израильская исследовательница Яэль Даниэли изучает посттравматическую адаптацию в связи с общественной реакцией на поведение людей, переживших трагические события. Нежелание окружающих слышать рассказы о

трагедиях, приводит переживших травму к изоляции и недоверию, а то и конфронтации с обществом. Уход в «семью» сопровождается либо трансляцией памяти о трагедиях в формате семейной истории, либо превращается в “заговор молчания” (Danieli, 1998).

Даниэли разработала многомерную модель исследования травмы, цель которой выявить связь травмы и целостности «Я» (Danieli, 1998). Целостность «Я» или самость или индивидуальная идентичность человека у Даниэли представляет собой многоуровневую динамическую систему: 1) биологический уровень индивида; 2) социальный, включая семью; 3) этнический и культурный, включающий ценности; 4) образовательный и профессиональный; 5) экономический и юридический; 6) политический и национальный; 7) наднациональный, универсальный уровень. Для создания непрерывного нарратива своей жизни от прошлого к настоящему и будущему человек должен иметь свободный, незаблокированный доступ ко всем уровням и гибко функционировать на каждом из них, балансируя в зависимости от этапа жизненного цикла, который он проходит. Травма образует разрыв в этом потоке идентичностей, регресс и фиксацию, повышает уязвимость человека в кризисных ситуациях (Danieli, 1998).

В ходе многолетней клинической работы и работы с сообществом переживших Холокост, Я. Даниэли разработала теоретическую рамку для описания комплексной природы травмы и адаптации к жизни после нее, которая включала в себя: 1) индивидуальное психологическое, семейное и родительское поведение в контексте опыта Холокоста, которое определяет образ жизни потомков выживших; 2) гетерогенность адаптации и приспособления (сочетание уязвимости и сопротивляемости) среди выживших. Были выделены 4 посттравматических адаптационных стиля в семьях выживших [Danieli, Norris, Lindert, Paisner, 2015]:

- 1) «жертва» (виктимный стиль): характеризуется печалью, беспокойством, недоверием, страхом перед внешним миром и символическим слиянием с семьей;
- 2) «боец» (бойцовский стиль): выражается в интенсивном стремлении к достижениям, компульсивной активности и запрете на проявление слабости и жалости к себе;
- 3) «оцепеневший»: проявляется в подавленности и истощении эмоций, минимальной толерантности к стимулированию - дети растут, будучи предоставленными сами себе;
- 4) «что сделано, то сделано» («что было, то прошло»): проявляется в отречении, отклонении опыта жертв Холокоста, ассимиляции и большой устремленности к получению высокого образовательного и социального статуса, славы и финансового успеха.

Это одновременно психологические, социальные и поведенческие копинг-стратегии и защитные механизмы. Данные стили генерализуются до образа жизни и становятся интегративной частью личности. Они влияют на родительство и психологическое развитие и адаптацию детей, становясь межпоколенными жизненными стратегиями [Danieli, Norris, Lindert, Paisner, 2015]. Я.Даниэли не уточняет понятие «репаративных» жизненных стратегий, но по контексту его применения оно соотносится с способностью проектировать жизнь с учетом индивидуальных особенностей и типом личности. «Жизненная стратегия» включает в себя систему ценностей и целей, позволяющих человеку реализовать наиболее эффективный сценарий жизни (Васильева, Демченко, 2001).

Исследовательская группа под руководством Я. Даниэли в недавних актуальных исследованиях травмы Холокоста в качестве задач выделяет изучение влияния исторических и демографических факторов жизни людей, переживших Холокост, на адаптацию их потомков к жизненным вызовам. Многофакторная, междисциплинарная, интегративная рамка для измерения такого влияния должна быть, с точки зрения исследовательской группы, приложима для коллективных травм различного

происхождения, в первую очередь, для травм геноцидов (Danieli, Norris, Lindert, Paisner, 2015).

Таким образом, очень важная составляющая многофакторной модели исследования травмы Даниэли – это понятие «многопоколенной» (мультигенерационной) травмы, подразумевающей не только трансмиссию травматического опыта на второе поколение выживших, но комплексное воздействие и проявление травмы в форме репаративных жизненных стратегий в нескольких поколениях. Интенсивность адаптационных стилей – результат множественных связей, оформленных в теоретической модели как семейная история (возрастная когорта родителей в годы Холокоста (дети, подростки, взрослые); особенности опыта Холокоста (гетто, рабочие или концентрационные лагеря, эмиграция, попытки спрятаться; поствоенный опыт переселения) и семейное окружение (социальное окружение, место проживания, конфигурация семьи; связь с группами поддержки; связь между поколениями).

Выводы.

Коллективная травма, мультигенерационная травма, культурная травма - стык культурных, социальных и групповых исторических реалий с одной стороны, и индивидуальных жизненных историй, с другой, которая требует исследований на российском материале. В русскоязычной психологии отсутствует многофакторная модель описания и исследования коллективной травмы, типологически схожей с травмами геноцидов (Холокост и др.) Для современной российской ситуации актуально исследование третьего и четвертого поколения потомков коллективной травмы, в том числе травмы сталинских репрессий. Необходим коллективный социально-психологический портрет этих поколений потомков, проявляющих интерес к своей семейной истории. Представляет интерес исследование этой травмы как многопоколенной (мультигенерационной), в которой посттравматические адаптационные стили поведения в родительских семьях связаны с жизненными стратегиями потомков в нескольких поколениях.

2. Эмпирическое исследование.

В декабре 2018 - марте 2019 года мною было проведено эмпирическое исследование, для которого использовался опросник, созданный на основе исследовательского инструментария Яэль Даниэли [Danieli Y., Norris F.N., Lindert J., Paisner V., 2015].

4 выделенных Даниэли посттравматических адаптационных стили в семьях выживших в Холокосте предполагалось проверить на предмет адекватности описания с их помощью комплексной природы травмы сталинских репрессий. Опросник Даниэли состоит из трех частей: оценка потомками (детьми и внуками) стили жизни в их родительских семьях; оценка потомками своего собственного образа жизни; описание четырехпоколенной семейной истории и социально-демографический портрет нескольких поколений травмы.

Опросный инструментарий Даниэли был переведен на русский язык. Исследование задумывалось как модельное, предполагалось, что оно будет делаться на небольшой выборке (50 человек), но вызвало большой интерес у респондентов, и выборка оказалась достаточно большой. Исследование включало в себя три основные задачи:

1) оценка возможности применения многофакторной модели исследования коллективной травмы геноцида и опросного инструментария Даниэли для исследования травмы политических (сталинских) репрессий в России;

2) анализ результатов факторного и кластерного анализа данных, полученных на российской выборке, с целью выявления связей адаптационных стилей родительских семей с современными жизненными стилями и адаптационными стратегиями потомков.

3) выявление особенностей проявления травмы в третьем и четвертом поколениях (внуки и правнуки) в связи с социально-демографическими характеристиками и семейной историей.

Опрос проводился в электронном виде (Google Forms) с помощью распространения анкеты через социальную сеть Фейсбук. После перевода опросник Даниэли был несколько скорректирован (для этого были проведены качественные интервью), с учетом особенностей выборки и социокультурного контекста исследования.

2.1. Выборка.

В работе использовались данные 383-х заполненных анкет. Большинство респондентов составили женщины (80%). Преобладает возрастная когорта от 30 до 50 лет. Средний возраст – 42 года. Выборка представлена преимущественно внуками и правнуками репрессированных. Большинство ответивших (более 80%) осведомлены о том, через какие репрессии прошли их родственники. Это также связано с тем, что респонденты часто являются исследователями и летописцами своей семейной истории. Преобладает поколение бабушек/дедушек и прабабушек/прадедушек. По месту рождения респонденты делятся относительно поровну на родившихся в крупном городе (свыше 1 млн. человек) – 58% и малом городе или деревне – 40% - на территории бывшего СССР. По современному месту проживания выделяется группа, проживающая за рубежом - 98 человек (25%) (рис. 6). Среди респондентов преобладают люди с высшим образованием (70%). 21% ответивших имеет ученую степень.

2.2. Процедура исследования.

После перевода было проведено 7 полуструктурированных интервью с потомками репрессированных для уточнения высказываний и формулировок вопросов в опроснике. Коррекция затронула структуру анкеты и формулировки вопросов. Самое главное изменение, которое было внесено – не было отдельных ответов по каждой шкале для оценки материнского и отцовского стиля поведения отдельно. В русскоязычной анкете указывался стиль поведения в родительской семье и семье бабушек-дедушек в целом. В формулировках шкал использовались определения: «близкие», «близкие родственники», «родители», «бабушки-дедушки», «в семье моих родителей и семье бабушек-дедушек». Выбор в пользу объединения был сделан в связи с тем, что гендерные различия не были приоритетом в исследовании. Кроме того, средний возраст опрашиваемых в исследовании Даниэли в 2012 году составлял 59,8 лет – родившееся сразу после войны поколение, для которого пострадавшими в геноциде родственниками были непосредственно матери и отцы, и сравнение их родительских стилей было возможным и актуальным. В русскоязычном исследовании средний возраст отвечавших на вопросы анкеты в 2019 году составил 42 года, и для респондентов пострадавшими в репрессиях является поколение их бабушек-дедушек и прабабушек-прадедушек, поэтому воспоминания отдельно по полам затруднительны и неактуальны.

По результатам эксплораторного факторного анализа, проведенного командой Даниэли, шкалы по даваемой ими нагрузке были сформированы в три фактора, ассоциированные с посттравматическими адаптационными стилями:

- a) фактор 1 – «застревание в утрате и травме», «гиперопека», «эмоциональная волатильность и контроль» - характерные черты виктимного («жертва») адаптационного стиля. («ценность поддержания еврейской (групповой) идентичности» также имела наибольшую нагрузку на этот фактор);
- b) фактор 2 – «эмоциональная выхолощенность (изоляция, отрешенность)» и «заговор молчания в семье» – ключевые характеристики адаптационного стиля «оцепеневший». («нетерпимость к слабости», включая выражение эмоций, также дает наибольшую нагрузку на этот фактор);

- c) фактор 3 – «ценность власти и справедливости» – характеристика бойцовского адаптационного стиля;
- d) фактор 4 - «дистанцирование от прошлого» (оказался неработающим и не учитывался в дальнейшем описании Даниэли)

На российской выборке был проведен факторный анализ, опираясь на инструментарий и методику Даниэли. Структура из 4-х факторов дала только около 35% объясняемой дисперсии. Более точной была 2-х факторная модель, но и она не дала достаточных оснований для интерпретации (См. Таблица 1).

Таблица 1 Двухфакторная модель многопоколенной травмы репрессий

Шкалы	F 1	F 2
1. Самостоятельное поведение и личное пространство в нашей семье были недопустимы . В нашей семье невозможно было быть отдельным. Нельзя было иметь секреты. Ни у кого не могло быть секретов от других членов семьи	-0,61	0,09
2. В нашей семье нельзя было проявлять слабость. Было не принято показывать эмоциональную уязвимость.	-0,69	0,05
3. Не считая членов семьи, предпочтение в общении отдавали людям своего круга – с похожей семейной историей	-0,36	0,33
4. Репрессии всегда «присутствовали» в доме (воспоминания, обсуждение, переживания)	0,15	0,63
5. Открытое выражение эмоций, проявления нежности и открытая демонстрация любви редко встречались в нашей семье.	-0,68	-0,13
7. Дом моих родителей/бабушек/дедушек всегда был полон еды. В доме всегда стремились накормить всех досыта.	-0,10	0,05
8. Наша социальная жизнь включала только ближайших членов семьи.	-0,47	0,07
9. Близость между родителями и детьми была редкой в нашей семье.	-0,70	-0,07
10. В нашей семье было принято уважать и помнить историю нашего рода. Мне много рассказывали об истории моей семьи, было принято ее обсуждать.	0,43	0,52
11. Мои родители и мои бабушка/дедушка всегда должны были знать, где находятся их дети.	-0,22	0,18
12. По сравнению с другими семьями, в нашей старшие близкие больше ценили все, что связано с прошлым, чем с настоящим (вещи, культурные ценности, манеры поведения, этикет)	-0,08	0,41
13. В нашей семье избегали смотреть/читать/слышать о чем-либо, связанном с репрессиями.	-0,37	-0,34
14. В нашей семье нельзя было признаваться, что тебе плохо	-0,79	-0,06
15. Близкие в семье часто разговаривали на повышенных тонах, стараясь убедить в своей правоте.	-0,53	0,09
16. Старшие близкие в семье часто стыдили меня, призывая поступать правильно.	-0,67	0,02
17. Я часто слышал в семье, как я важен(важна) для близких.	0,55	0,21
18. Члены семьи чрезмерно опекали друг друга.	-0,27	0,22
19. Мои родители и их родители не чувствовали, что к травматическому опыту семьи относятся с должным уважением в обществе.	-0,30	0,21
20. В нашей семье всегда принято было доедать еду до конца, не оставляя на тарелке. С этим были связаны разные ритуалы.	-0,30	0,03
21. От меня в семье ожидали успешности (образование, карьера, престижная работа)	-0,26	0,13
22. Моя семья казалась застрявшей в прошлом.	-0,55	0,26

23. В нашей семье никогда не упоминали репрессии.	-0,42	-0,49
24. В моей семье рассказывали о психических проблемах (ночные кошмары, страхи и др.), которыми страдали близкие, пережившие время репрессий.	0,06	0,31
25. Мои родители и их родители были чрезмерно эмоциональны: могли вспыхнуть от ярости, а потом плакать от раскаяния.	-0,36	0,24
26. В нашей семье близкие, пережившие репрессии, никогда не говорили о своем опыте.	-0,41	-0,28
27. В нашей семье не было открытого общения	-0,77	-0,21
28. В нашей семье любили слушать «лагерные» песни.	0,01	0,33
29. Я часто слышал (слышала) от близких, что они любят меня.	0,68	0,11
30. Браки в нашей семье основывались не на любви, а на других основаниях.	-0,56	0,08
31. В нашей семье не было места эмоциям.	-0,73	-0,12
32. Выразить эмоции дома и вовне казалось мне опасным.	-0,76	-0,05
33. Иногда близкие в семье выглядели безучастными к окружающему, так, как будто мысленно они где-то далеко.	-0,63	0,09
34. В нашей семье даже на небольшие перемены реагировали как на катастрофу.	-0,66	0,18
35. В семье снова и снова рассказывали истории репрессий.	0,08	0,60
36. В нашей семье безусловной ценностью является борьба с несправедливостью.	0,22	0,28
37. Мои родители (бабушки/дедушки) избегали быть членами официальных общественных объединений/организаций (молодежные организации, партии, профсоюзы, другие организации).	-0,28	0,38
38. Моя семья (моя родительская семья и мои бабушки-дедушки) казалась мне странной (старомодной, не похожей на других) по сравнению с другими семьями	-0,42	0,41
39. Независимость (от общества и власти) высоко ценилась в нашем доме	0,15	0,68
40. Члены моей семьи обычно были не согласны (несогласной) с официальным мнением по политическим вопросам.	0,05	0,69
41. В моей семье все всегда беспокоились по любому поводу.	-0,57	0,29
42. Я никогда не знал, какой из моих вопросов/замечаний расстроит моих близких поэтому предпочитал/а не говорить, что думаю.	-0,78	0,04
43. В нашей семье преобладали негативные эмоции и часто проявляли недовольство в связи с тем, что происходит вокруг (в обществе, во власти)	-0,51	0,42
44. В семье меня ориентировали на неучастие в каких-либо официальных общественных объединениях, организациях.	-0,30	0,51
45. В нашем доме даже мельчайшие решения тщательно обсуждались.	-0,16	0,44
46. В семье меня учили быть готовым ко всему, что может случиться в жизни.	0,03	0,34
47. Жалость к себе считалась слабостью.	-0,66	0,09
48. Меня учили не доверять официальной информации в СМИ	0,05	0,69
49. Меня учили сопротивляться официальным установлениям, противоречащим моим убеждениям	0,16	0,67
50. В семье мне не давали никаких советов.	-0,30	-0,19
51. В семье с трудом устанавливали понятные правила, касающиеся поведения детей.	-0,57	0,00
52. Даже когда дела шли плохо, в семье не теряли чувство юмора.	0,58	0,21

53. В семье часто обсуждали вопросы политики и действия властей.	0,26	0,58
54. В нашей семье считалось, что брак с человеком, не относящимся к нашему кругу – социальной группе – это предательство.	-0,33	0,41
55. Члены семьи слишком активно участвовали в жизни друг друга.	-0,41	0,23
56. Мои близкие чувствовали себя неуютно, когда общались с людьми за пределами своего круга.	-0,53	0,28
57. Мои близкие плохо относились к «вещизму» - желанию покупать много вещей и потреблять.	0,02	0,19
58. В семье считали, что люди никогда не должны забывать о совершенных в сталинские времена преступлениях против своего народа.	0,29	0,62
59. Мои близкие испытывали негативные эмоции во время советских, государственных, официальных праздников.	-0,09	0,60
60. Хотя нас хвалили за достижения, в семье было мало ощущения взаимной близости и доверия.	-0,78	-0,08
61. Мои близкие использовали чувство вины, чтобы контролировать мое поведение.	-0,76	0,04
Expl. Var	18,9 5	12,5 7

Таким образом, факторная структура, выделенная в предыдущем исследовании, на российской выборке жертв сталинских репрессий не подтвердилась. В дальнейшем было принято решение о проведении кластерного анализа, выбрав основанием для кластеризации 4 посттравматических семейных адаптационных стиля поведения, а затем проведении содержательного анализа ответов респондентов в каждом кластере.

Посттравматические адаптационные семейные стили поведения были определены с помощью выделения и описания наиболее «работающих» на русскоязычной выборке шкал. Это были шкалы, на которые давались наиболее информативные ответы респондентами - преобладающее согласие или несогласие. Шкалы были объединены как описывающие четыре стиля:

- a) **оцепеневший, диссоциированный, с отщеплением чувств** (эмоциональное отстранение). Этот стиль описывается через преобладающее согласие с тем, что открытое выражение эмоций, проявления нежности и открытая демонстрация любви редко встречались в семье. Одновременно для него характерно резкое несогласие с утверждением, что «близкие в семье снова и снова рассказывали о репрессиях» (тревожно-оберегающий у Даниэли);
- b) **тревожно-оберегающий, опекающий** (гиперопека, эмоциональная волатильность). Описывается через выраженное согласие с утверждениями о том, что взрослые в семье всегда должны были знать, где находятся их дети; старшие близкие в семье часто апеллировали к чувству стыда и вины, воспитывая детей; в семье царил культ еды; в семье все беспокоились по любому поводу; родители избегали быть членом официальных общественных организаций. Одновременно характерно несогласие с тем, что в семье преобладали отрицательные эмоции и не давали никаких советов детям (оцепеневший у Даниэли);
- c) **боец** (ценность достигающих стратегий, поддержание памяти о трагическом опыте близких, нетерпимость к слабости). Описывается через выраженное согласие с утверждениями о том, что в семье нельзя было проявлять слабость и показывать эмоциональную уязвимость, взрослые готовили детей к тому, что в жизни всякое может случиться, и считали жалость к себе слабостью. В семье было принято уважать и помнить историю рода, рассказывать и обсуждать историю семьи,

считали, что люди никогда не должны забывать о совершенных в сталинские времена преступлениях против своего народа. Близкие в семье часто разговаривали на повышенных тонах, стараясь убедить в своей правоте. В семье от детей ожидали успешности, ценили независимость (от общества), были не согласны с официальным мнением по политическим вопросам;

- d) **преодолевающий травму** (в основном отрицание, отказ от приписываемых виктимизирующих признаков). Описывается через выраженное несогласие с утверждениями о том, что репрессии всегда «присутствовали» в доме (воспоминания, обсуждение, переживания) (тревожно-оберегающий стиль у Даниэли), а семья казалась застрявшей в прошлом (оцепеневший у Даниэли), что в семье рассказывали о психических заболеваниях близких, переживших репрессии, об эмоциональной нестабильности близких, о том, что браки основываются не на любви и близости (тревожно-оберегающий у Даниэли) о том, что близкие выглядели странно (оцепеневший у Даниэли), с трудом устанавливали правила для детей (тревожно-оберегающий у Даниэли), и ориентировали на брак в своем кругу (боец у Даниэли). Одновременно несогласие и с тем, что в семье никогда не упоминали репрессии – много отрицательных ответов (оцепеневший у Даниэли).

В дальнейшем был проведен кластерный анализ для оценки выраженности выделенных семейных стилей поведения. Кластерный анализ проводился методом К средних. В основу кластеризации легло разделение респондентов по выраженности в ответах четырех посттравматических адаптационных стилей поведения в семье: оцепеневший, диссоциированный; тревожно-оберегающий; боец; преодолевающий травму. Первоначально были заданы четыре, затем три кластера. Их выделение оказалось недостаточно информативным. Дистанция между кластерами не была выраженной. Группировка по стилям в два кластера была наиболее информативна (См. рис. 1-2).

Рис. 1 Дистанции между кластерами 1 («эмоциональный») и 2 («неэмоциональный»)

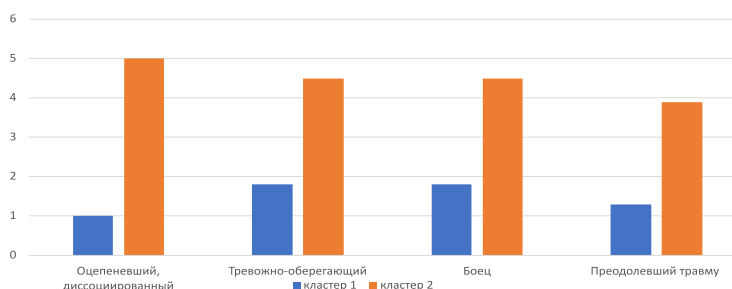
Distances between Final Cluster Centers			Number of Cases in each Cluster		
Cluster	1	2	Cluster	1	233
1		1,80361108		2	150
2	1,80361108		Valid		383

Рис. 2 Различия средних значений между кластерами 1 («эмоциональный») и 2 («неэмоциональный»)

стили	Кластер 1	Кластер 2
Оцепеневший, диссоциированный	1	5
Тревожно-оберегающий	1,8	4,5
Боец	1,8	4,5
Преодолевающий травму	1,3	3,9

Рис. 3

Группировка по стилям в два кластера

В первый кластер вошло 233 ответивших, во второй – 150. В дальнейшем, после содержательного анализа, эти два кластера получили название «эмоциональный» и «неэмоциональный». Респонденты в кластере 1 («эмоциональный») имеют равно низкие показатели по каждому параметру – стилю, респонденты в кластере 2 («неэмоциональный»), напротив – высокие. Самые сильные различия – по параметру оценевшего, диссоциированного стиля (1 и 5) и преодолевающего травму (1,3 и 3,9). По параметрам тревожно-оберегающего стиля и стиля «боец» «эмоциональный» и «неэмоциональный» кластеры сближаются. Качественный анализ ответов респондентов в двух кластерах – «эмоциональном» и «неэмоциональном» - был проведен путем суммации однозначно положительных и скорее положительных ответов, однозначно отрицательных и скорее отрицательных ответов по каждой шкале в первой и второй части анкеты и их сравнения. Необходимо было посмотреть, как отличаются и к каким утверждениям тяготеют респонденты в каждом кластере).

2.3. Выводы.

В двух кластерах выделяются различия в эмоциональном опыте семей. В первом, «эмоциональном», кластере демонстрация чувств приветствовалась и выражалась в объятиях, словах нежности, разговорах «по душам» и прочих проявлениях привязанности между членами семьи (между родителями-супругами, между родителями и детьми). Во втором, «неэмоциональном», кластере 74% ответов - о согласии с тем, что открытое проявление чувств в семье не приветствовалось, среди их проявлений преобладали забота, желание накормить, косвенная демонстрация привязанности через шутки и сдержанную похвалу.

Более половины положительных ответов в «неэмоциональном» кластере – о согласии с тем, что выражать чувства дома и вовне было опасно. Противоречивость и неосознанность чувств фиксируется в этом кластере наряду с отсутствием эмоционального контакта между старшими и младшими поколениями в семье, близкие часто выглядели ко всему безучастными. Столько же свидетельств в пользу того, что старшие близкие могли впасть в неконтролируемую ярость и после сокрушаться об этом, близкие часто разговаривали на повышенных тонах, чтобы донести до других свое мнение. 59% ответов - о согласии с утверждением, что дети в семье никогда не знали, что расстроит их близких. 56% - с тем, что ощущения близости и доверия в семье не было. 59%: близость между родителями и детьми была редкой.

В «эмоциональной» группе 44% положительных признаний в том, что старшие близкие говорили детям о том, что они важны для семьи. В «неэмоциональной» же, напротив 66% подтверждений того, что близкие не признавались в том, что их любят. 77% положительных ответов во втором кластере - кластере в пользу того, что взрослые

прибегали к чувству стыда и вины для контроля за поведением детей. 42% согласий с тем, что в семье с трудом устанавливали правила, касающиеся поведения детей.

Таким образом, ключевым фактором различия между кластерами является **интенсивность и правила демонстрации эмоциональной близости** (См. Таблица 2):

- **Кластер 1: демонстрация чувств приветствовалась и выражалась в объятиях, словах нежности, разговорах «по душам» (между родителями-супругами, между родителями и детьми).**
- **Кластер 2: открытая демонстрация чувств в семье не приветствовалась, среди их проявлений преобладали забота, желание накормить, косвенная демонстрация привязанности через шутки, сдержанную похвалу.**

По вопросам о частоте воспоминаний и разговоров о репрессиях различия в двух кластерах невелики, при этом респонденты придерживаются противоречивых суждений. **Тревожность и гиперопека** характерны для семей в обеих группах и проявлялась как в «эмоциональном», так и в «неэмоциональном» кластере в том, в семье всегда существовали ритуалы, связанные с ценностью еды, в семье все беспокоились по любому поводу, старшие всегда должны были знать, где находятся их дети. **В современных репаративных стратегиях поведения с этим сопрягается важность контроля и самоконтроля:** «для меня важно все контролировать»; «мне очень трудно просто расслабиться»; «я чувствую себя ответственным за счастье близких», которые «кажутся мне уязвимыми».

По шкалам стиля «боец» также много солидарного в обоих кластерах: борьба с несправедливостью, проективные ожидания успешности от детей, ценность независимости от общества и власти, а также памяти о семейной истории, частые разговоры «о политике» и транслируемое недоверие к официальным источникам информации, ощущение необходимости предъявлять обществу счет и требование о том, чтобы память о преступлениях сталинских репрессий поддерживалась и уважалась. Но уровень ориентации на протестное поведение все же ниже «эмоциональной» группе. В ней те, в чьих семьях меньше обижались на общество за то, что оно не относится с должным уважением к опыту близких, прошедших через репрессии. В «неэмоциональном» свидетельствуют, что обид было много и скорее согласны с тем, что их семьи застряли в прошлом: больше ценили то, что связано с прошлым, отдавали предпочтение в общении людям и семьям со схожим опытом, а по уровню негативных чувств в адрес обществ и власти и ориентации на ценности достижений «неэмоциональная группа» опережает другую значительно. В итоге для современного поведения и самоощущения респондентов в «неэмоциональном» кластере характерно ощущение себя неудачниками, даже, если они объективно успешны, отчаяния при оценке себя как несоответствующих ожиданиям близких, ощущение предательства семьи, если они оставляют без реакции уничижительные высказывания о людях, испытавших репрессии.

Таблица 2 Посттравматические стили и репаративное поведение в «эмоциональном» и «неэмоциональном» кластерах

Кластер	Прошое (посттравматические стили)	Настоящее (репаративное поведение и стратегии)
«Эмоциональный» (Открытая демонстрация чувств)	Взрослые говорили детям, что любят их и они важны для них Репрессии не «всегда присутствовали в доме»	Не склонны постоянно обращаться к опыту репрессий Меньшая протестность,

	<p>Меньше обид на общество за неуважение к опыту репрессий,</p> <p>большой конформизм,</p> <p>большая терпимость,</p> <p>меньшая изоляция</p>	<p>конформизм,</p> <p>терпимость</p>
<p>«Неэмоциональный» (Запрет на открытое выражение чувств, забота как замещение чувств)</p>	<p>Выражать чувства опасно, родители непредсказуемы в эмоциональном плане,</p> <p>основные побуждения – вина и стыд.</p> <p>Резко негативные чувства в адрес власти и общества, протест,</p> <p>нетерпимость к слабости,</p> <p>ценность прошлого,</p> <p>большая изоляция</p>	<p>Ощущение себя неудачниками при объективной успешности,</p> <p>чувство отчаяния при несоответствии ожиданиям близких,</p> <p>чувство гнева,</p> <p>ощущение предательства, если не ответить на обиду</p>
<p>«Эмоциональный» и «неэмоциональный» в равное мере</p>	<p>Дом был полон еды, взрослые должны были знать всегда, где дети, все опекали друг друга чрезмерно.</p> <p>Борьба с несправедливостью, ожидания успешности от детей, ценность независимости от общества и власти, а также памяти о семейной истории, частые разговоры «о политике» и транслируемое недоверие к официальным источникам информации</p>	<p>Важно все контролировать, трудно расслабиться, близкие уязвимы, я ответственен за их счастье.</p>

Гипотеза о том, что в российских условиях наиболее ярко будет выражен стиль «боец» подтвердилась частично. Характерные для этого стиля поведенческие паттерны и коммуникативные стратегии действительно ярко представлены в российском контексте, но гораздо интереснее связь проявлений этого стиля, как и тревожного, опекающего с

фактором интенсивности «эмоциональности» (открытой или запретной) в семейных коммуникациях. **Чем более открытыми были выражения чувств в семье, в детско-родительских отношениях, тем менее склонны следующие поколения к конфронтации с окружающими и бойцовской позиции, и, наоборот, чем более закрытыми и подавляемыми были эмоциональные проявления, тем жестче, неконформистски настроены потомки к обществу и власти.**

В ходе исследования были выделены группы по возрасту и месту проживания респондентов с целью уточнения связи семейных стилей поведения с некоторыми социально-демографическими различиями.

Предполагалось, что значительная группа проживающих за рубежом даст возможность увидеть некоторые значимые различия в оценках стилей поведения и воспитания в родительских семьях и современных восстановительных стратегиях. Эти ожидания не совсем оправдались, хотя различия фиксируются, но понимать их надо комплексно, анализируя одновременно различия между москвичами и остальной Россией. Проживающие в Москве и за рубежом разделяют стиль «боец» и различаются по другим. В особенности, у проживающих за рубежом значительно сильнее выражен стиль «преодолевающий травму». Между проживающими в Москве и в остальной России, однако, также фиксируется это различие в выраженности стиля «преодолевающий травму» в пользу остальной России, но при этом у москвичей сильнее выражен стиль «боец». Таким образом, можно констатировать, что поведение и самоощущение москвичей более травмоцентрично, нежели у потомков репрессированных за МКАДом и за рубежом, а последние более решительно настроены на преодоление травмы.

Значимые возрастные различия фиксируются между возрастными группами 18-35 и 36-44 лет по стилям «оцепеневший, диссоциированный, с отщеплением чувств» (рис. 17). В старшей возрастной группе (36-44 года) этот стиль выражен сильнее. Между возрастными группами 36-44 и 45-72 года выявлены различия в стилях «оцепеневший...» и «тревожно-оберегающий» (рис. 18). В группе 36-44 лет эти стили проявлены сильнее. Таким образом, возрастная группа 36-44 лет демонстрирует большую выраженность эмоциональной выхожденности и тревожности одновременно. Поведение и самоощущение более младшего и более старшего поколения предстает как менее травмоцентричное. Возможно, это связано с тем, что группа 36-44 года в данный момент приняла на себя поколенческую эстафету по поддержанию памяти о репрессиях, занимается документированием семейной истории, откликается на предложение обсуждать и отвечать на вопросы, участвует или откликается на репрезентацию темы репрессий в разных документальных и художественных, перформативных форматах. Таким образом, данная тема нагружена для этой группы «переживаниями» и эмоциями как для вторичных свидетелей травмы.

Особенности проявления травмы в третьем и четвертом поколении (внуки и правнуки) в связи с семейной историей респондентов

Социально-демографические характеристики респондентов в контексте семейной истории (третье и четвертое поколение травмы):

- преимущественно **женщины**;
- имеющие **высшее образование и ученую степень**;
- **постперестроечное поколение**, для которого знание о преступлениях сталинского режима, стало доступным и открытым;
- **осведомленные** о том, через что прошли их родственники во время сталинских репрессий;
- представители **интеллигенции** и причисляющие себя к **среднему классу**;

- **треть из них живет не в России;**
- **выросшие в советских интеллигентских семьях с невысоким достатком, атеистических, часто с одним родителем;**
- **старшие или единственные дети в семье, считающие своим долгом восстановить семейную историю и поддерживать память о ее трагических страницах;**
- **состоящие в браке, первом или втором, и ценящие семейные узы больше, чем их родители;**
- **имеющие одного или двоих детей;**
- **нерелигиозные, но иногда соблюдающие религиозную обрядность;**
- **менеджеры; занятые в медиа; социальные исследователи; социальные работники; занятые в бизнесе; работники образования;**
- **ценящие свой досуг намного больше своих родителей и предпочитающие занимать его в гораздо меньшей степени дачей или телевизором и в большей чтением, общением с друзьями, культурными событиями, соцсетями и физическими упражнениями.** Участие в поддержании памяти жертв репрессий в составе общественных организаций занимает при этом не такое значительное место, как можно было бы предположить.

Таким образом, в социально-демографических характеристиках травмы репрессий в третьем-четвертом поколении на российской выборке, если их рассматривать в расширенном контексте семейной истории, можно отметить некоторые признаки травмоцентрического стиля жизни и сознания, а также его преодоления: 1) семейные проекции через ценность образования, принадлежности к интеллигенции и «среднему классу», поддержание истории и традиции семьи, больше падают на женщин и единственных или старших детей в семье; 2) для значительной части выборки достигаемые ориентации выражаются в стратегии эмиграции; 3) для другой части они выражаются в стремлении к социальному одобрению вплоть до соблюдения религиозных обрядов при атеистических взглядах. Семейные узы ценятся выше, чем это было принято в родительских семьях. Люди часто себя связывают себя с социально значимыми профессиями и сферой коммуникаций; 4) преодоление изолированности и застревания в прошлом можно усмотреть в значительно более высокой ценности досуга для современных поколений, при низкой доле в нем общественной активности по поддержанию памяти о репрессиях.

2.4. Общие выводы по результатам исследования

1. Факторы, лежащие в основе выделенных Я. Даниэли посттравматических адаптационных семейных стилей поведения не работают в полной мере на российской выборке.

В первую очередь, травма Холокоста и травма сталинских репрессий различаются типологически из-за различий в социальном и культурном контексте. Их нельзя отнести в равной мере к травме геноцидов. Основная российская особенность: носители травмы сталинских репрессий не являются сообществом с ярко выраженной идентичностью, построенном на таком укоренившемся в международных масштабах символическом конструкте как Холокост. В российском обществе расширительная метафора - отождествление с жертвами (10% ответивших на все вопросы анкеты указали, что у них не было родственников, пострадавших во время Большого террора), аналогичная Холокосту, работает по-другому: не на очерчивание и признание группы, а на размывание ее и негативное признание: «кто в России 20 века не пострадал?» или, как в песне Высоцкого: «мои без вести павшие, твои безвинно севшие». В ходе анкетирования пришлось столкнуться с массой претензией, почему в число репрессированных не включаются пострадавшие в ходе Красного террора непосредственно после Октябрьского переворота, избежавшие репрессий путем сознательного социального эскапизма, пострадавшие от преследования инакомыслящих в годы «застоя» и др.? В данной ситуации невозможно

сформировать контрольную выборку. Большая длительность травмы тоталитаризма с перманентной ретравматизацией в Советской России, охватывающая несколько поколений – основная особенность российского контекста.

2. Российская выборка разбивается на **«эмоциональных конформистов» и «неэмоциональных бойцов».**

Гипотеза о том, что в российских условиях наиболее ярко будет выражен стиль «боец» подтвердилась частично. Характерные для этого стиля поведенческие паттерны и коммуникативные стратегии действительно ярко представлены в российском контексте, но гораздо интереснее связь проявлений этого стиля, как и тревожного, опекающего с фактором интенсивности «эмоциональности» (открытой или запретной) в семейных коммуникациях. Чем более открытыми были выражения чувств в семье, в детско-родительских отношениях, тем менее склонны следующие поколения к конфронтации с окружающими и бойцовой позиции, и, наоборот, чем более закрытыми и подавляемыми были эмоциональные проявления, тем жестче, неконформистски настроены потомки к обществу и власти.

3. Выявлены особенности проявления травмы в третьем и четвертом поколении (внуки и правнуки) в связи с социально-демографическими характеристиками и семейной историей респондентов.

Исследование имело методические и методологические ограничения, которые были схожи с ограничениями исследования группы Даниэли: 1) высокообразованная выборка (пользователи, преимущественно, социальной сети Фейсбук в Интернете) с гендерным перекосом (67% женщин в опросе о Холокосте и выше 70% в опросе о репрессиях), не репрезентирующая определенные сегменты потомков выживших в Холокосте, например, тяжело больных или не интересующихся семейной историей и не стремящихся ее задокументировать; 2) отсутствие контрольной выборки, подвергающее сомнению, являются ли обнаруженные адаптационные стили специфичными для переживших Холокост, и то же самое отсутствие контрольной выборки в исследовании травмы репрессий, связанное со сложностью вычленения травмы репрессий из общей травмы тоталитаризма, которая продолжалась в СССР гораздо дольше.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: АСТ, 2014.
2. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память. М.: НЛЮ, 2016, No.5.
3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013
4. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
5. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: 2004.
6. Бейкер К., Варга А. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2015.
7. Богатырева М.Х. Межпоколенная передача семейной истории. Дефекты передачи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия Психолого-педагогические науки. – 2009. – № 109. – С. 164–170
8. Бондаренко Я.А., Якимова Т.В. Осведомленность в истории своей семьи как фактор психологического благополучия в подростковом возрасте // Клиническая и специальная психология. – 2014. – Том 3. – № 2 (10). – С. 70-83.

9. Варга А.Я., Маркитантова О.А., Черепанов Е. Семейные правила выживания: послания детям // Научно-практический сетевой журнал «Психология и психотерапия семьи» – 2017. – No7. - <http://familypsychology.ru/semejny-e-pravila-vy-zhivaniya-poslaniya/>
10. Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. Март - апрель. С. 74 - 85. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovye-sostavlyayushchie-zhiznennyh-strategiy-studentov-vuza>
11. Давуан Ф., Годийер Ж.-М. История по ту сторону травмы // Ушакин С., Трубина Е. (ред.) Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
12. Карут К. Травма, время и история // Ушакин С., Трубина Е. (ред.) Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
13. Куфтяк Е.В. Отношение привязанности в трёх поколениях женщин и межпоколенная травма. // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2014. – № 4. – С. 159-165.
14. Мороз О., Суверина Е. Traumastudies: История, репрезентация, свидетель // НЛО, 2014, № 1(125)
15. Петрова Е.А. История семьи как межпоколенный ресурс совладающего поведения и средства его получения. // Вестник Костромского Государственного Университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2008. – Том 4. – № 2. – С. 201-208.
16. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышление о репрезентации травмы // Ушакин С., Трубина Е. (ред.) Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
17. Сапоровская М.В. Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте. Психологические исследования, 2010, No.1(9)
18. Сапоровская М.В. Семейные истории выживания/совладания: межпоколенный аспект. // Психология стресса и совладающего поведения. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 томах. – 2013. – С. 56-58.
19. Тарабрина Н., Майн Н. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы). Консультативная психология и психотерапия, 2013, No.3.
20. Ушакин С., Трубина Е. (ред.) Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
21. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005, No2-3
22. Штомпка П. Социальное изменение как травма. Социологические исследования, 2001, No.1.
23. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Речь, 2006, 352 с.
24. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.
25. Ядов В.А., Магун В.С., Семенова В.В., Левада Ю.А., Шанин Т., Дубин Б., Данилов В., Олейников Д., Энговатов М.В. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России // Серия: Библиотека журнала «Неприкосновенный Запас». — М.: Новое литературное обозрение, 2005
26. Adelman A. Traumatic Memory and the Intergenerational Transmission of Holocaust Narratives. The Psychoanalytic Study of the Child, 1995.
27. Danieli Y. (Ed.), International handbook of multigenerational legacies of trauma. New York: Plenum Press, 1998

28. Danieli Y., Norris F.H., Lindert J., Paisner V. The Danieli Inventory of Multigenerational Legacies of Trauma, Part I: Survivors' Posttrauma Adaptational Styles in their Children's Eyes. *Journal of Psychiatric Research*, 2015, No.68.
29. Felman Sh., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Taylor&Francis. 1992.
30. Hinton D.E., Good B.J. The Culturally Sensitive Assessment of Trauma: Eleven Analytic Perspectives, a Typology of Errors, and the Multiplex Models of Distress Generation // Hinton D.E., Good B.J. *Culture and PTSD (Ed.) Trauma in Global and Historical Perspective*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.
31. Howe, Neil; Strauss, William (1991). *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: WilliamMorrow&Company
32. Kellermann N. *Transmission of Holocaust Trauma*. National Israeli Center for Psychosocial Support of Survivors of the Holocaust and the Second Generation, 2000. <http://www.yadvashem.org/yv/en/education/languages/dutch/pdf/kellermann.pdf>
33. Kupelian D., Kalayjian A.S. Kassabian A. The Turkish genocide of the Armenians // Y. Danieli (Ed.), *International handbook of multigenerational legacies of trauma*. New York: Plenum Press, 1998. P. 191-210.
34. LaCapra D. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2001
35. Op den Velde W. Children of Dutch war sailors and civilian resistance veterans // Y. Danieli (Ed.), *International handbook of multigenerational legacies of trauma*. New York: Plenum Press, 1998.
36. Van der Kolk B. *The Body Keeps the Score. Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma*. New York: Penguin Books, 2015.
37. Zerach G., Levin Y., Aloni R., Solomon Z. Intergenerational Transmission of Captivity Trauma and Posttraumatic Stress Symptoms: A Twenty Three-Year Longitudinal Triadic Study. // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. – 2017. – Vol. 9. – No. S1. – 114–121.

Для цитирования:

Авторы: Миськова Елена Вячеславовна

Выпуск: №4 2019

Страницы: 31-49

Раздел: Исследования

URL: <https://familypsychology.ru/mis-kova-e-v-travma-stalinskih-repressij-v-kontekste-kollektivny-h-travm-genotsidov/>

DOI: 10.24411/2587-6783-2019-10005

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ ЗИМА-ВЕСНА 2019-20

О прошедшей конференции ОСКиП

В конце сентября состоялась конференция Общества Семейных Консультантов и Психотерапевтов. Мы благодарим всех, кто принял участие в этом мероприятии! Совсем скоро на сайте учредителя журнала «Психология и психотерапия семьи» Общество семейных консультантов и психотерапевтов www.supporter.ru появится специальный обзор прошедшей конференции "Семья в современном мире: трансформация психотерапии".

Московские мероприятия

6-8 декабря 2019 г. Шестая Семейная Лгбткиапп+ конференция

Наша конференция – это пространство свободное от стереотипов и предубеждений, интерактивная площадка для дискуссий между ЛГБТК+ сообществом, помогающими специалистами/специалистками, активистками/активистами и правозащитниками/правозащитницами, а также другими представителями и представительницами гражданского общества.

Мы открыты для диалога с широкой аудиторией, которая разделяет принципы принятия многообразия жизненного опыта и уважительного отношения к позиции и взглядам, которые могут отличаться от общепринятых.

Цель VI конференции – проанализировать современную ситуацию в которой находятся ЛГБТК+ семьи, союзы и родители, ЛГБТК+сообщество в целом и выстроить стратегию — нет, не выживания, а открытости и диалога, безопасного взаимодействия между обществом, его институтами и традициями и ЛГБТК+ сообществом, как дискриминируемой группой.

Где: Москва, 6 и 7 декабря: Сахаровский центр; 8 декабря: Гете-институт

Организаторы: Центр социально-психологических и культурных проектов «Ресурс ЛГБТКИА Москва»

Ссылка: <https://www.facebook.com/events/2441385359514387/>

12-15 декабря 2019 г. XXIV Международная научно-практическая конференция МИГИП «Гештальт и Психодрама: пространство возможностей»

В программе мероприятия мастер-классы, круглые столы, тренерские каскады, демонстрационные сессии, лекции, вечерние мероприятия, группы ассимиляции, ремесленные мастерские, банкет.

Все форматы работы конференции разделены на 9 тем: парные отношения; семья; отношения с телом; коучинг, бизнес, оргконсультирование; клинические аспекты гештальт-терапии и психодрамы; теория и методология гештальт-терапии и психодрамы; групповая терапия, работа с группами; саморазвитие; экзистенция.

Где: Московская область, г. Химки, ул. Ивановская, д. 2 (отель «Планерное»)

Организаторы: Московский Институт Гештальта и Психодрамы

Ссылка:

<http://conference.migip.ru/?fbclid=IwAR1jpbwzTX0GZD7CFrdVGv6ddVy4AIC4p6Cj8TdQDNMz3DW7ylokO1JwO00#rec72243340>

6-9 февраля 2020 г. Международная ежегодная конференция ОПП ГП «Зимняя школа по гештальт-терапии 2020»

Международная ежегодная конференция ОПП ГП «Зимняя школа по гештальт-терапии» — одно из основных плановых мероприятий Общества Практикующих Психологов (гештальт-подход), вот уже 29 лет объединяет многих профессионалов, тех, кто собирается стать гештальт-терапевтом и интересующихся подходом.

На конференции предполагается работа по тематическим направлениям, которая завершится обсуждением в дискуссионных группах, где будет пространство для профессионального диалога;

- семинары, мастерские и лекции ведущих специалистов в области гештальт-терапии;
- вертикали (исследование темы в течение дня в разных форматах);
- круглые столы по вопросам применения гештальт-терапии в самых разных областях психотерапии;
- изложение и обсуждение случаев из частной практики и, как всегда
- встречи с интересными людьми и тусовка в кругу единомышленников.

Где: Московская область, Пушкинский район, Sofrino Park-Hotel

Организаторы:

Ссылка: <https://gestalt.ru/conference/mezhdunarodnaya-ezhegodnaya-konferentsiya-opp-gp-zimnyaya-shkola-po-geshtalt-terapii-2020/>

28 февраля-1 марта 2020 г. IV Международная практическая конференция «Психология: вызовы современности»

На конференциях цикла «Психология: вызовы современности» мы собираем вместе самых интересных экспертов и практиков и разбираемся, как различные направления и школы психологии помогают решить самые актуальные вопросы нашего времени.

На конференции 2020 года участников ждет не меньше трех глобальных треков:

- Психология личности
- Психология зависимости
- Психология бизнеса

Каждый трек будет представлен ведущими экспертами в этой области. Это будут выступления спикеров из разных стран в формате лекций, семинаров, мастер-классов и дискуссий. Интересна конференция профессионалам и любителям психологии.

Где: Краснопролетарская ул., 36, Премиум конференц-зал “Амбер Плаза”

Организаторы: команда проекта «Мероприятия со смыслом» компании «Ивент Лига», Школа консультантов по вопросам зависимости, журнал PSYCHOLOGIES и Московский институт психоанализа.

Ссылка: <https://psy-conference.ru/>

Мероприятия в Санкт-Петербурге

24-26 января 2020 г. XX Международная юнгианская конференция «Юнгианская идентичность»

ПСАП

Профессиональное Сообщество Аналитических Психологов

В рамках конференции организуются пленарные доклады и их обсуждения, круглые столы, групповая и супервизорская работа по следующим основным направлениям:

- Идентичность юнгианского аналитика
- Понятие идентичности в аналитической психологии и психоанализе
- Индивидуация и ее роль в формировании идентичности
- Идентификация и идентичность

- В поисках идентичности: выбор или не-выбор поля, направления, традиции, группы, ориентиров
- Юнгианская идентичность и культурный уровень аналитика, работа над собой
- Столкновение с социальной Реальностью в контексте различных профессиональных сообществ, их границ, их конкуренции и порождаемых этим проблем
- Вызовы, трудности и значение идентичности в различные периоды жизни
- Подготовка юнгианского аналитика: этапы, особенности, перспективы.
- 1-й шаг к юнгианской идентичности: идентификация себя как юнгианского аналитика, формирование профессиональной юнгианской Персоны.
- Особенности проявления разного уровня защит и экзистенциальные вызовы бытия в выборе профессиональной идентичности
- «Двоемыслие» в социуме и аналитической среде
- Архетип Тени: современность, соблазны, выборы и ловушки в контексте проблемы профессиональной идентичности. Юнгианская Персона и её Тень – этапы и нюансы их диалектического взаимодействия.
- Теория комплексов применительно к проблеме идентичности: телесный, психосоматический язык, поиск смыслов и символов
- Нарциссическая Тень и проекции — в личной, клиентской динамике и динамике социальных групп
- Проявление различных архетипов в аналитическом процессе, социальной жизни и культуре, феномены синхронии применительно к проблеме идентичности
- Профессиональная идентичность и феномен выгорания

Основными формами работы конференции являются: доклады, мастер-классы, круглые столы, дискуссии. Программа конференции включает проведение социальной матрицы сновидений, групповых супервизий с участием отечественных и зарубежных специалистов – членов IAAP.

Где: Санкт-Петербург, П.С., Большой пр., 18 «А» ВЕИП

Организаторы: Профессиональное Сообщество Аналитических Психологов

Ссылка: <http://www.psyseminar.ru/>

6-8 февраля 2020 г. VI Всероссийский фестиваль «Где дни облачны и кратки...»

Профессиональное интернет-издание «Психологическая газета» приглашает на традиционный зимний фестиваль в Санкт-Петербург! 8 февраля 2020 года исполняется 30 лет со дня основания Компании «Иматон», организованной в 1990 году по инициативе Института психологии Академии наук СССР.

Компания «Иматон» представит участникам Фестиваля отчет о работе за 30 лет. Вас ждут проверенные временем инструменты, эффективные технологии и ценные навыки для успешной самостоятельной работы, встречи с корифеями психологического искусства, знакомство с их выверенными идеями и подходами.

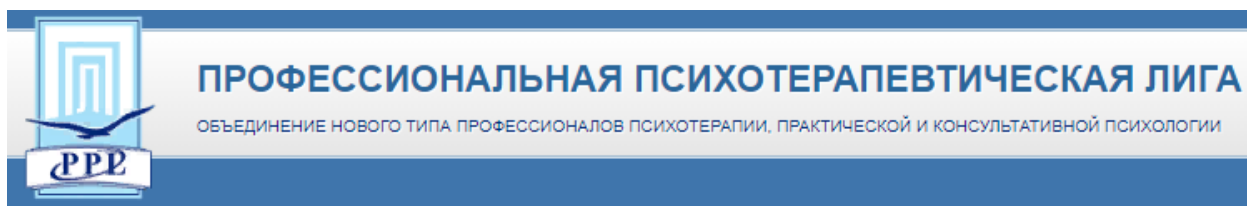
Программу составят пленарные выступления, дискуссии, круглые столы, топ-лектории, мастер-классы и практикумы от признанных специалистов в разных областях психологии. Приглашаем психологов, психотерапевтов, консультантов, педагогов, тренеров — всех тех, кто стремится сохранить Человека!

Организаторы: ООО «Психологическая газета»

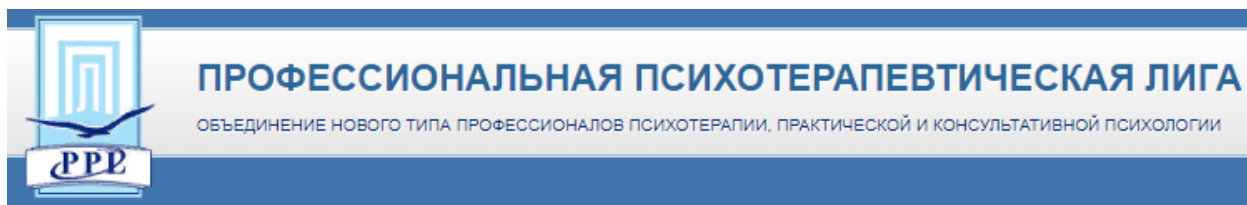
Ссылка: <https://psy.su/fest/>

Региональные мероприятия

Волгоград. 6-7 декабря 2019 г. VI фестиваль «Психология без границ».

Красноярск. 29 января – 2 февраля 2020 г. Декадник на Енисее

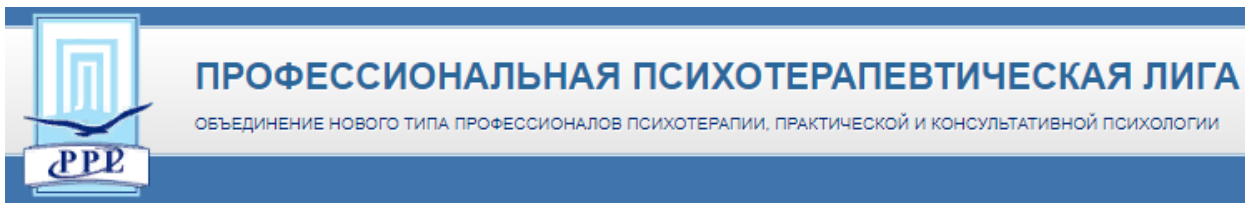

Анонс пока не размещен.

Организаторы: ОППЛ (Общероссийская Профессиональная Психотерапевтическая Лига)

Новосибирск. 8-13 апреля 2020 г. Форум специалистов помогающих профессий и X Сибирский весенний бал психотерапевтов. Фестиваль психологических тренингов «ПСИ-ФЕСТ»

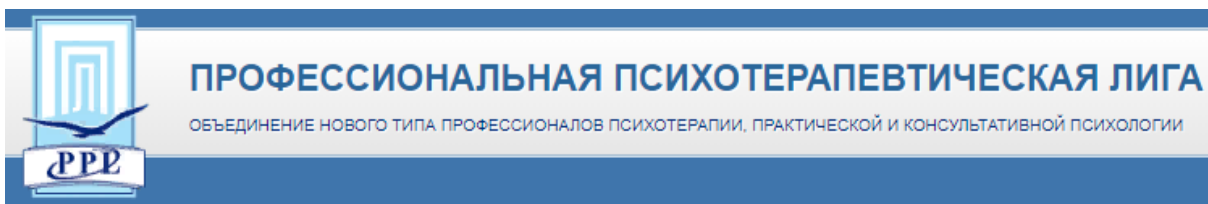

Анонс пока не размещен.

Организаторы: ОППЛ (Общероссийская Профессиональная Психотерапевтическая Лига)

Орёл. 4-9 мая 2020 г. Международная конференция «Психотерапия — профессия на стыке науки и искусства» и IV Литературный декадник в Орле

Анонс пока не размещен.

Организаторы: ОППЛ (Общероссийская Профессиональная Психотерапевтическая Лига)

- **Пермь. 22-23 мая 2020 г. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы психического здоровья молодого поколения в системе среднего и высшего профессионального образования»**

Цель конференции: консолидация ресурсов профессионального сообщества для развития системы охраны психического здоровья и психологической поддержки в пространстве вуза.

Основные направления конференции:

- Безопасная среда образовательного пространства ВУЗа;
- Проблема дезадаптации студентов и организация системы социально-психологической поддержки в вузах;
- Специфика психопрофилактической работы в высшей школе;
- Проблема зависимостей у учащихся в вузах и подходы к ее решению;
- Психологический скрининг и его возможности в профилактике неблагоприятных психических состояний у студентов;
- Психологическое сопровождение иностранных студентов;
- Психологическое сопровождение студентов с особыми образовательными потребностями;
- Психологическое сопровождение профессионального самоопределения студентов;
- Психологическая поддержка и сопровождение студентов в кризисных и тяжелых жизненных ситуациях;
- Роль психологической службы в поддержке преподавателей высшей школы и профилактике эмоционального выгорания.

Где: г. Пермь, ПГНИУ

Организаторы: ПГНИУ, НИУ ВШЭ, НИУ МФТИ, РАНХиГС, МГИМО

Ссылка: <http://psy-health.psu.ru/>

1 мая – 1 июня 2020 г. 14-й Санкт-Петербургский Саммит психологов

«Психологическая газета» при участии Российского психологического общества и при поддержке Компании «Иматон» ежегодно проводит традиционную встречу профессионально успешных психологов России.

Программа:

31 мая -Открытый форум психологов

- Дискуссия и пленарное заседание с участием ведущих экспертов и лидеров крупнейших профессиональных организаций
- Торжественная церемония награждения победителей и лауреатов XXI Национального конкурса «Золотая Психея»

1–3 июня - Секреты профессионального мастерства

Мастер-классы, лекции, круглые столы – более 45 мероприятий, охватывающих все сферы практической психологии: образование, здравоохранение, бизнес, социальную сферу и др.

Где: 31 мая на Пироговской наб., 5/2 (Конференц-комплекс отеля «Санкт-Петербург»); 1-3 июня на 10-я линия Васильевского острова, д. 59 (Институт практической психологии «Иматон»)

Организаторы: ООО «Психологическая газета» при участии Российского психологического общества и при поддержке Компании «Иматон»

Ссылка: <https://psy.su/summit/#begin>

Мероприятия IFTA, EFTA, AFTA

27-29 февраля 2020 г. **Walking Through Stories... Narrative Psychotherapy and Nomadic Theory**

„Nomadisches Denken“ lädt dazu ein, Geschichten zu erzählen, die bisher so noch nicht erzählt wurden und eingetretene Pfade und Denkgewohnheiten zu verlassen. Die Tagung richtet sich an Personen, die in psychosozialen Berufen tätig sind, sich die Lust an Geschichten bewahrt haben und neugierig sind, wie dieser Blick in Beratung, Pädagogik und Therapie nutzbar gemacht werden kann.

Где: Виттен, Германия

Организаторы: Университет Виттена в сотрудничестве с «Familiendynamik» (Klett-Cotta)

Ссылка: <https://professional-campus.de/produkt/narrative-psychotherapie-und-nomadische-theorie#s8>

12-14 марта 2020 г. 2020 World Family Therapy Congress

**International Family
Therapy Association**

The 2020 Congress will celebrate the evolution of family therapy around the world. The Congress will focus on interactional methodologies for working with families and how those changes impact the families with which therapists work. The 2020 Congress, like all IFTA Congresses, will also feature many approaches to a variety of problems and ways of coping with them. The congress aims to help heal hurting couples and families in various cultures.

Где: Базель, Швейцария

Организаторы: International Family Therapy Association (IFTA)

Ссылка: <https://www.ifta-congress.org/>

Другие зарубежные мероприятия

3-10 января 2020 г. Традиционный декадник психологии и психотерапии в Италии «Секреты успеха и реализации наших возможностей. Секреты Микеланджело»

В этой поездке мы обратимся к творчеству великого художника и скульптора Микеланджело, владевшего уникальными приемами достижения целей. Мы познакомимся с его секретами, чтобы использовать их в своей профессиональной деятельности, творчестве и жизни.

И, конечно, встретимся с коллегами — психологами и психотерапевтами — в формате активного участия в практической работе и обмена профессиональным и человеческим опытом!

В программе поездки – туризм, шоппинг, тренинги, семинары в Школах Эриха Фромма и Роберто Ассаджиоли.

Где: к поездке можно присоединиться 3 января в Милане или с 5 января во Флоренции.

Организаторы: ОППЛ (Общероссийская Профессиональная Психотерапевтическая Лига)

Ссылка: <http://www.travel-oppl.ru/italiya/anons-italiya.html>